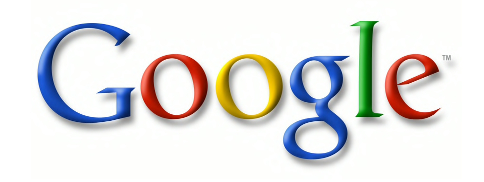

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES

В. И. Семевскій.

Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ годовъ.

Цѣна 15 коп.

Изд. Н. Парамонова
„Донская Рѣчь"
въ Ростовѣ на Дону.

2 экз.

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь" въ Ростовѣ на Дону.

В. Алексѣевъ—Народовластіе въ древней Руси . . . . 15 к.
В. Алексѣевъ—Земскіе соборы древней Руси . . . . 10 к.
И. И. Дитятинъ—Роль челобитій и земскихъ соборовъ . . . . 15 к.
И. И. Дитятинъ—Екатерининская комиссія . . . . 15 к.
Дарестъ—Бельгійская конституція . . . . 7 к.
И. П. Бѣлоконскій—Разсказы. III т. . . . . 60 к.
И. П. Бѣлоконскій—Самоуправленіе и земство . . . . 7 к.
Е. И. Булгакова—Заря будущаго . . . . 25 к.
Е. И. Булгакова—Японія и японцы . . . . 20 к.
А. Ѳ. Быкова—Англія и англичане . . . . 15 к.
Б. Б.—Великая французская революція . . . . 15 к.
Бебель—Государство будущаго . . . . 10 к.
В. Водовозовъ—Всеобщее избирательное право на Западѣ . . . . . . 5 к.
Гауптманъ—Томъ 2-й (Ткачи и Извозчикъ Геншель) . . . . 30 к.
Феликсъ-Гра—Марсельцы . . . . 25 к.
А. Горбуновъ—Гарантіи личной свободы въ Англіи . . . . 15 к.
Гэдъ—Коллективизмъ . . . . 4 к.
Голубевъ—Роль земства . . . . 10 к.
Н. Дубровскій—Іюль 1830 г. во Франціи . . . . 7 к.
С. Живаго—Страница изъ исторіи народнаго освобожденія въ Швейцаріи 6 к.
Е. Звягинцевъ—Общественное движеніе въ Россіи . . . . 20 к.
Зомбартъ—Соціализмъ въ XIX вѣкѣ . . . . 20 к.
Зомбартъ—Рабочее движеніе въ XIX вѣкѣ . . . . 20 к.
Н. Карышевъ—Экономическія бесѣды . . . . 15 к.
К. Каутскій—Ирландія . . . . 7 к.
К. Каутскій—Противорѣчія классовыхъ интересовъ во Франціи въ 1789 г. 20 к.
К. Каутскій—Развитіе формъ государства . . . . 7 к.
К. Каутскій—Соціальная реформа . . . . 25 к.
А. Кизеветтеръ—Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX вв. 15 к.
А. Кизеветтеръ—Русское общество въ XVIII столѣтіи . . . . 15 к.
А. Кизеветтеръ—Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи Россіи . . . . . . 10 к.
А. Кизеветтеръ—Протопопъ Аввакумъ . . . . 8 к.
А. Кизеветтеръ—Кузнецъ Гражданинъ (изъ эпохи 60-хъ годовъ) . . . 10 к.
Ѳ. Кокошкинъ—Бюджетный вопросъ въ государств. съ предст. правл. . 10 к.
Карѣевъ—Французскіе писатели XVIII в. . . . . 10 к.
. . . . 4 к.
. . . . 25 к.
...ни . . . . 15 к.
. . . . 8 к.
. . . . 8 к.
. . . . 5 к.
. . . . 10 к.
. . . . 15 к.
. . . . 15 к.
. . . . 10 к.
. . . . 15 к.
...рѣпости . . 8 к.
...ательству . . 10 к.
. . . . 10 к.
. . . . 10 к.
. . . . 20 к.
. . . . 20 к.
... экономіи . 10 к.
. . . . 10 к.
. . . . 15 к.
. . . . 10 к.
. . . . 10 к.
. . . . 20 к.
. . . . 10 к.

В. И. Семевскій.

Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ годовъ.

Изд. Н. Парамснова
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону.

Дозволено цензурою 13 апрѣля 1905 г. Ростовъ на Дону.

Ростовъ на Дону.
Типографія „Донская Рѣчь".
1905.

Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ годовъ.

I.

Въ «Русской Старинѣ» были напечатаны весьма любопытныя записки барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа, члена Государственнаго Совѣта и директора Публичной Библіотеки, который по своему высокому служебному положенію могъ знать очень многое, происходившее при дворѣ и въ высшихъ служебныхъ сферахъ въ царствованіе императора Николая. Это былъ къ тому же человѣкъ умный и способный, какъ видно изъ написанной имъ (уже въ царствованіе императора Александра II) біографіи Сперанскаго, и потому его записки несомнѣнно имѣютъ большое значеніе. Но среди весьма интересныхъ фактовъ, хотя и сообщаемыхъ обыкновенно въ одностороннемъ оффиціальномъ освѣщеніи, попадаются иной разъ извѣстія, изложенныя не только тенденціозно, но и уснащенныя свѣдѣніями прямо вымышленными. Таковы, напр., показанія барона Корфа о Пушкинѣ, товарищѣ автора записокъ по лицею, котораго Корфъ просто ненавидѣлъ и на котораго взвелъ жестокія небылицы, опровергнутыя въ особой статьѣ покойнымъ Л. Н. Майковымъ [1]).

[1]) „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфъ". „Русск. Стар." 1899, т. 99, стр. 297—311, 517—530.

Мы желаемъ остановиться на другомъ эпизодѣ записокъ Корфа, а именно посвященномъ кружку Петрашевцевъ, о дѣлѣ которыхъ авторъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ извѣстій, но о которыхъ судитъ слишкомъ субъективно, допуская при томъ и фактическія невѣрности. Мы полагаемъ, что нашъ очеркъ, основанный, кромѣ печатныхъ данныхъ, и на неизданныхъ источникахъ, правильнѣе освѣтитъ это дѣло, имѣющее очень большое значеніе въ исторіи движенія общественныхъ идей въ концѣ 40-хъ гг.

„Среди революціоннаго вихря“ (говоритъ баронъ Корфъ), „который послѣ нѣсколько спокойнѣйшаго, какъ казалось, направленія дѣлъ, вдругъ весною 1849 г. съ новою силою охватилъ Западную Европу, въ Петербургѣ, во второй половинѣ апрѣля, всѣ были поражены разнесшеюся, какъ молнія, вѣстью объ открытомъ у насъ заговорѣ. Къ Россіи, покорной, преданной, богобоязливой, царелюбивой Россіи тоже прикоснулась... гидра нелѣпыхъ и преступныхъ мечтаній чуждаго намъ міра. Сокрушительное дѣйствіе революціи вездѣ, въ теченіе года, оставило по себѣ однѣ развалины и потоки крови, не внеся даже тѣни улучшенія въ общественный бытъ и, не смотря ни на этотъ живой примѣръ, ни на память событій 14-го декабря 1825 г., нашедшихъ такъ мало сочувствія въ массахъ и такую быструю кару въ законѣ, горсть дерзкихъ злодѣевъ и ослѣпленныхъ юношей замыслила пріобщить и нашу дѣвственную націю къ ужасамъ и моральному растлѣнію Запада. Уже съ полгода секретные агенты графа Орлова, съ одной стороны, и графа Перовскаго—съ другой, слѣдили за этою шайкою и, наконецъ, въ ночь съ 21-го на 22-е апрѣля захватили до 40 человѣкъ, обличенныхъ въ тайныхъ замыслахъ“ [1]).

Въ такомъ повышенномъ тонѣ писалъ о Петрашевцахъ баронъ Корфъ въ моментъ ихъ ареста въ апрѣлѣ 1849 г. Но въ концѣ того же года, когда уже былъ опубликованъ и исполненъ суровый приговоръ надъ ними, баронъ Корфъ сильно понизилъ тонъ: «Результаты изслѣдованія вскорѣ обнаружили, что *дѣло отнюдь не имѣло ни такой важности, ни такого развитія, какія вначалѣ придали ему городскіе слухи, обыкновенно все преувели-*

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1900, № 4, стр. 39.

чивающіе. Всѣхъ замѣшанныхъ было около 50 человѣкъ... Цѣль замысла была—измѣнить общественное наше устройство по образцу западныхъ понятій, приготовивъ сперва къ тому умы посредствомъ распространенія коммунистическихъ и соціальныхъ сочиненій, разныхъ разглашеній, рѣчей и порицанія всего существующаго, предметовъ и лицъ... Въ цѣломъ спискѣ, въ противоположность заговору 1825 г., не встрѣчалось ни одного значущаго имени, ни одного лица съ извѣстностью въ какомъ-нибудь родѣ (кромѣ только успѣвшаго пріобрѣсти себѣ нѣкоторую извѣстность своими повѣстями отставного инженеръ-поручика Достоевскаго», оговаривается баронъ Корфъ), «учители, мелкіе чиновники, молодые люди большею частью маловѣдомыхъ фамилій. Покушеній или приготовленія къ бунту съ достовѣрностью открыто не было, и все представляло болѣе видъ безумія, нежели преступленія... Члены (слѣдственной коммиссіи) называли это *заговоромъ идей*, чѣмъ и объясняли трудность дальнѣйшихъ раскрытій: ибо, если можно обнаруживать факты, то *какъ-же уличать въ мысляхъ, когда онѣ не осуществились еще никакимъ проявленіемъ, никакимъ переходомъ въ дѣйствіе?*» [1]).

Баронъ Корфъ не замѣчаетъ того, что послѣднія слова его представляютъ самое сильное осужденіе крайней суровости приговора надъ Петрашевцами.

Отмѣтимъ прежде всего невѣрныя свѣдѣнія въ разсказѣ барона Корфа. Наблюденіе надъ Петрашевцами продолжалось не полгода, а тринадцать мѣсяцевъ и находилось въ теченіе цѣлаго года въ исключительномъ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго, который поручилъ надзоръ за М. В. Буташевичемъ-Петрашевскимъ чиновнику своего министерства, д. с. с. Липранди. По отзыву одного изъ его сослуживцевъ по министерству, Липранди, бывшій нѣкогда офицеромъ генеральнаго штаба, «былъ человѣкъ рѣдкаго ума и весьма образованный». Его

---

1) „Рус. Стар." 1900 г., № 5, стр. 278—279. Курсивъ нашъ.

Перовскій употреблялъ по двумъ спеціальностямъ: по дѣламъ раскольниковъ, преимущественно скопцовъ, и по дѣламъ политическаго свойства. Это было время самаго безпощаднаго преслѣдованія раскола, сопровождавшагося ссылкою раскольниковъ, опечатаніемъ и уничтоженіемъ ихъ моленъ и скитовъ и отобраніемъ ихъ церковныхъ книгъ и другихъ предметовъ богослуженія. Допросы раскольниковъ и скопцовъ Липранди производилъ у себя въ квартирѣ за самоваромъ, потчивая ихъ чаемъ съ ромомъ и располагая ихъ такимъ фамильярнымъ отношеніемъ къ большей откровенности... Липранди имѣлъ большую и разнообразную библіотеку, и разъ, когда у него былъ Н. А. Милютинъ (служившій также въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ), «и хозяинъ просилъ его ознакомиться съ находящимися въ ней книгами, Ник. Ал. отвѣтилъ, что по надписямъ на корешкахъ онъ уже познакомился съ содержаніемъ книгъ, но опасается,—не спрятаны-ли за ними шпіоны» [1]). И отзывъ Шумахера, и слова Милютина показываютъ намъ, что за человѣкъ былъ Липранди, сыгравшій такую важную роль въ дѣлѣ Петрашевцевъ.

Поводомъ къ началу наблюденія за самимъ Петрашевскимъ послужила литографированная записка по крестьянскому вопросу, розданная имъ на дворянскихъ выборахъ въ Петербургѣ въ началѣ марта 1848 г. въ количествѣ 200 экз. [2]). Перовскій поручилъ Липранди достать записку Петрашевскаго, и когда это было легко исполнено, снесся о ней съ шефомъ жандармовъ графомъ Орловымъ. Оба они нашли, что она должна быть «плодомъ тайнаго, обдуманнаго

---

[1]) *А. Д. Шумахеръ.* „Позднія воспоминанія о давно минувшихъ временахъ". „Вѣст. Евр." 1899 г., № 3, стр. 123—125.

[2]) См. о ней въ моей книгѣ „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка", т. II. 375—376. Полностью записка до сихъ поръ неизвѣстна. У Петрашевскихъ было имѣніе въ 240—250 душъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ, Петербургской губ., не раздѣленное послѣ смерти отца Михаила Васильевича между нимъ, его матерью и 4 сестрами.

преднačертанія». По соглашенію графа Л. Перовскаго съ графомъ Орловымъ, по свидѣтельству Липранди, около 10-го марта 1848 г. на него было возложено собраніе свѣдѣній о Петрашевскомъ, при чемъ агенты III-го Отдѣленія вовсе не должны были участвовать въ этомъ дѣлѣ. 20-го апрѣля 1849 г. графъ Орловъ объявилъ Липранди Высочайшую волю о прекращеніи имъ дальнѣйшаго веденія дѣла и о передачѣ его въ III-е отдѣленіе [1]), а въ ночь съ 22-го на 23-е апрѣля были произведены аресты. Слѣдовательно, показаніе барона Корфа, что арестъ былъ произведенъ сутками ранѣе, неточно. Противорѣчіе между показаніемъ Корфа, что за Петрашевцами слѣдили секретные агенты графа Орлова, съ одной стороны, и графа Перовскаго—съ другой, и свидѣтельствомъ Липранди, желавшаго приписать заслугу раскрытія всего дѣла себѣ, разъясняется запискою секретной слѣдственной коммиссіи, изъ которой видно, что въ мартѣ 1848 г. шефъ жандармовъ учредилъ надзоръ за Петрашевскимъ, а въ то же время началось наблюденіе за нимъ и по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, но такъ какъ «столкновеніе агентовъ двухъ вѣдомствъ могло имѣть вредное послѣдствіе—открыть Буташевичу-Петрашевскому тайну надзора и отнять у правительства возможность обнаружить его преступные замыслы,—то шефъ жандармовъ приказалъ агентамъ III-го отдѣленія прекратить свои наблюденія, предоставивъ весь ходъ этого дѣла графу Перовскому».

Ревность, обнаруженную въ этомъ дѣлѣ Перовскимъ, объясняютъ тѣмъ, что онъ, признавая «отдѣльное существованіе III-го отдѣленія ненужнымъ, старался доказать, что и общая полиція министерства внутреннихъ дѣлъ можетъ предупредить всякіе политическіе перевороты и знать о зародышахъ такихъ стремленій ранѣе III-го отдѣленія» [2]).

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1872 г., т. VI, 70—73.

[2]) *Шумахеръ.* „Позднія воспоминанія“. „Вѣст. Евр.“, 1899 г., № 3, стр. 123—124.

Баронъ Корфъ утверждаетъ, что среди арестова ныхъ Петрашевцевъ «не встрѣчалось ни одного значущ го имени, ни одного лица съ извѣстностью въ каком нибудь родѣ», кромѣ Достоевскаго: «учители, мелкіе ч новники, молодые люди большею частью маловѣдомы: фамилій», и противопоставляетъ въ этомъ отношеніи Г трашевцевъ декабристамъ. Дѣйствительно, среди декабр стовъ были люди болѣе высокопоставленные и по свое: происхожденію, и по служебному положенію. Тамъ бы нѣсколько князей: Трубецкой, Евг. Оболенскій, Щепин Ростовскій, Серг. Волконскій, Барятинскій, Одоевскій, В Голицынъ, графы: Ник. Булгари, Коновницынъ І-ый, Ч нышевъ, бароны: Штейнгель и Черкасовъ, люди со ст рыми дворянскими фамиліями. Огромное большинство д кабристовъ были военные, иные даже съ генеральски: чинами, среди нихъ также было много отставныхъ вое ныхъ и лишь ничтожное количество статскихъ. Но дек бристы блистали не только титулами и чинами,—сре нихъ былъ и цвѣтъ интеллигенціи—поэты, писатели ученые: Рылѣевъ, Александръ и Николай Бестужевы, Кюхельбекеръ, Корниловичъ, Ѳ. Глинка и, наконецъ, Ні Ив. Тургеневъ, который, конечно, могъ гораздо бол гордиться своею книгою «Теорія налоговъ», чѣмъ чино дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Петрашевцы не могли похвастать участіемъ въ и кружкахъ князей, графовъ и бароновъ, хотя на собр ніяхъ у Кашкина и бывали князья П. Трубецкой и Черкасскій, въ ихъ средѣ было, дѣйствительно, не ма учителей и чиновниковъ, члены этихъ кружковъ, вообщ принадлежали къ нѣсколько болѣе демократическому сл общества, чѣмъ декабристы, но Петрашевцы не только менѣе, но даже болѣе, чѣмъ декабристы, имѣли въ сво средѣ писателей, и не одинъ Достоевскій заслуживае тутъ упоминанія. Въ оффиціальномъ спискѣ арестованны въ ночь на 23-е апрѣля 1849 г. отмѣчены, какъ «литер торы», кромѣ «отставного инженеръ-поручика Ѳеодора Д

стоевскаго», еще его братъ, отставной подпоручикъ Михаилъ Достоевскій [1]), отставной кол. ас. Сергѣй Дуровъ, поручикъ л.-гв. Московск. полка Ник. Момбелли, поручикъ л.-гв. егерскаго полка Александръ Пальмъ и неслужащій дворянинъ Алексѣй Плещеевъ. Буташевичъ-Петрашевскій значился въ спискѣ чиновникомъ департамента внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ, но онъ былъ также и писателемъ, такъ какъ участвовалъ въ составленіи изданнаго имъ подъ именемъ другого лица (Кириллова) «Словаря иностранныхъ словъ». Такимъ образомъ, изъ числа 39 лицъ, арестованныхъ утромъ 23-го апрѣля, было 7 писателей, т. е. почти пятая часть [2]). Затѣмъ арестованы были еще 10 лицъ—преимущественно чиновники. Наконецъ, призывались къ допросу въ слѣдственную коммиссію чрезъ III-е отдѣленіе еще 60 человѣкъ, въ томъ числѣ Аполлонъ Ник. Майковъ (извѣстный поэтъ), Василій Толбинъ (писатель), писатель Владиміръ Раф. Зотовъ и Ник. Дмитр. Ахшарумовъ (впослѣдствіи извѣстный романистъ, начавшій литературную дѣятельность въ 1850 г.). Лишь случайное обстоятельство удержало Н. П. Огарева и К. Д. Кавелина отъ посѣщенія пятницъ Петрашевскаго предъ самымъ его арестомъ, хотя это не избавило Огарева отъ обвиненія въ «фаланстерныхъ началахъ» въ первой половинѣ 50-хъ гг. Были и такія лица, которыхъ только ссылка «въ отдаленныя губерніи за прежнія политическія преступленія» избавила отъ привлеченія къ дѣлу. Въ числѣ ихъ былъ и нашъ знаменитый сатирикъ М. Е. Салтыковъ, начавшій уже тогда свою литературную

---

[1]) Онъ печаталъ повѣсти и переводы въ стихахъ иностранныхъ классиковъ въ тогдашнихъ журнапахъ и велъ внутреннее обозрѣніе въ „Отечественныхъ Запискахъ“, („Рус. Стар.“, т. XXX, 700), Впрочемъ, первоначально, вмѣсто него, былъ арестованъ третій братъ Достоевскихъ—Андрей.

[2]) Изъ числа арестованныхъ 23-го апрѣля 1849 г. были освобождены черезъ нѣкоторое время безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ секретнаго надзора, 12 лицъ, но въ числѣ этихъ послѣднихъ не было ни одного писателя.

дѣятельность: его видѣли одинъ разъ у Петрашевскаго. Такимъ образомъ, весьма значительное число писателей было такъ или иначе прикосновенно къ дѣлу Петрашевцевъ. Если только ссылка избавила Салтыкова отъ привлеченія къ этому дѣлу, то былъ еще одинъ писатель, не менѣе знаменитый, чѣмъ впослѣдствіи Салтыковъ и Достоевскій, котораго только смерть освободила отъ весьма тяжелой кары: Бѣлинскій былъ живъ еще, когда началось наблюденіе за Петрашевскимъ и его собраніями по пятницамъ. Когда Петрашевцы были арестованы, сдѣлалась извѣстной та значительная роль, которую играло, въ качествѣ орудія пропаганды, письмо Бѣлинскаго къ Гоголю; и этимъ объясняется, конечно, что Л. В. Дубельтъ «яростно сожалѣлъ, что Бѣлинскій умеръ», и обмолвился весьма характерными словами: «Мы бы сгноили его въ крѣпости».

Изъ всего сказаннаго видно, что умственное движеніе, представителями котораго явились Петрашевцы, выдвинуло значительныя имена вопреки мнѣнію бар. Корфа.

Бар. Корфъ отмѣчаетъ весьма любопытную черту, характеризующую отношеніе императора Николая къ дѣлу Петрашевцевъ въ моментъ ихъ ареста: государю пришло въ голову, что къ ихъ числу могутъ «втайнѣ принадлежать» не одни офицеры, молодые чиновники, литераторы и проч., но и кто-нибудь *повыше*» [1]. 24-го апрѣля 1849 г., т. е. на другой день послѣ ареста Петрашевцевъ, принимая двухъ членовъ Государственнаго Совѣта, государь сказалъ:

«Не знаю, ограничивается ли заговоръ тѣми одними, которые уже схвачены, или есть, кромѣ нихъ, и другіе, даже, можетъ быть, кто и изъ *нашихъ* [2]. Слѣдствіе все это раскроетъ. Знаю только одно, что на полицію тутъ нельзя полагаться, потому что она падка на деньги, а на шпіоновъ—еще меньше, потому что продающій за деньги свою честь способенъ на всякое предательство. C'est donc

[1] Курсивъ бар. Корфа.
[2] Курсивъ бар. Корфа.

l'affaire des péres de famille de veiller dans leur interieur, d'autant plus que cette affaire les regarde et doit les intéresser tout antant que moi»!.. [1]).

Слухи объ открытомъ «заговорѣ» были такъ преувеличены и нелѣпы, что бар. Корфъ отмѣтилъ даже, какъ проявленіе особаго мужества со стороны государя то, что въ тотъ же день онъ «прохаживался по улицамъ, какъ всегда, совершенно одинъ, а вечеромъ посѣтилъ публичный маскарадъ въ Большомъ театрѣ. 25-го онъ смотрѣлъ рекрутъ и принималъ доклады министровъ, тоже какъ всегда» [2]).

Мысль, пришедшая въ голову императору Николаю о возможной прикосновенности къ дѣлу Петрашевцевъ лицъ высокопоставленныхъ, быть можетъ, объясняется предположеніями декабристовъ избрать во временное правленіе Сперанскаго, Мордвинова и Ермолова. Въ февралѣ 1826 г. былъ сдѣланъ доносъ одновременно на Н. С. Мордвинова, П. Д. Киселева, А. П. Ермолова и вмѣстѣ съ тѣмъ на А. А. Закревскаго, кн. А. Н. Голицына и Балашова [3]).

Другою любопытною чертою въ приведенныхъ выше словахъ императора Николая является его рѣзкій отзывъ о шпіонахъ. Между тѣмъ, въ дѣлѣ Петрашевцевъ въ высшей степени важную роль сыгралъ агентъ Липранди, Антонелли.

Это былъ родственникъ Липранди, студентъ, котораго тотъ уговорилъ оставить университетъ и примкнуть къ кружку Петрашевскаго. И самъ Петрашевскій, и лица, его посѣщавшія, были крайне довѣрчивы и неосторожны: несмотря на то, что Антонелли ни на кого не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія, ему не только удалось быть на шести вечерахъ у Петрашевскаго еженедѣльно съ 11-го

---

[1]) „Обязанность отцовъ слѣдить за ихъ домашними дѣлами, тѣмъ болѣе, что это близко ихъ касается и должно ихъ интересовать столько же, сколько и меня".

[2]) „Рус. Стар.", 1900 г., № 4, стр. 39—40.

[3]) „Рус. Стар.", 1881 г., т. XXX, стр. 187—190.

марта по 15-е апрѣля 1849 г., а 16-го апрѣля у П. А. Кузмина, но даже учитель Толль, пострадавшій впослѣдствіи вмѣстѣ съ Петрашевцами, поселился съ нимъ на одной квартирѣ. Правда, попытка Антонелли устроить вечеръ у себя плохо удалась, отчасти, впрочемъ, вслѣдствіе разведенія мостовъ на Невѣ, но тѣмъ не менѣе его подробныя, хотя во многомъ неправдивыя донесенія, послужили главнымъ основаніемъ для ареста Петрашевцевъ. Такъ какъ арестованнымъ удалось увидѣть въ III-мъ отдѣленіи въ день ареста списокъ, въ которомъ противъ имени Антонелли было поставлено слово «агентъ», то его предательская роль стала извѣстна всѣмъ, и онъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ презрѣніи къ нему общества [1]; даже въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ его не пожелали опредѣлить на службу, такъ какъ ни одинъ изъ столоначальниковъ не захотѣлъ принять его въ свой столъ.

Бар. Корфъ даетъ очень неблагопріятный отзывъ о М. В. Буташевичѣ-Петрашевскомъ: онъ говоритъ, что во главѣ «замѣшанныхъ» въ дѣло стоялъ «28-лѣтній чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Петрашевскій, сынъ «бывшаго» петербургскаго штадтъ-физика и бывшій воспитанникъ Царскосельскаго лицея [2], человѣкъ полоумный (?), уже давно признанный такимъ между своими товарищами, но, можетъ быть, отъ того именно и чрезвычайно дерзкій» [3]. Относительно личности Петрашевскаго мы можемъ противопоставить отзыву Корфа отзывъ товарища Петрашевскаго по дѣлу, еще и нынѣ здравствующаго, извѣстнаго врача Д. Д. Ахшарумова [4]: «Это

---

[1] „Изъ записокъ ген.-лейт. Кузмина". „Руск. Стар.", 1895, № 2, стр. 160—162, 167, № 3, 78—79, № 4, 77—78.

[2] Петрашевскій окончилъ курсъ въ лицеѣ въ 1839 г. „Рус. Стар.", 1900, № 9, стр. 449. Корфъ не упоминаетъ, что Петрашевскій получилъ въ университетѣ степень кандидата, „такъ какъ", по свидѣтельству слѣдственной комиссіи, онъ „дѣйствительно учился отлично и съ большою охотою".

[3] „Рус. Стар.", 1900. № 5, стр. 278.

[4] *Д. Д. Ахшарумовъ*. „Изъ моихъ воспоминаній" (1849—51 г.). Спб. 1905 г., изд. „Общественной Пользы", стр. 17.

лъ человѣкъ сильной души, крѣпкой воли, много тру-
ошійся надъ самообразованіемъ, всегда углубленный въ
ѣніе новыхъ сочиненій и неустанно дѣятельный». Далѣе
Д. Ахшарумовъ свидѣтельствуетъ о «выдающихся каче-
вахъ» Петрашевскаго, его «увлеченіи дѣломъ и уваже-
і, которымъ онъ пользовался среди людей его окружаю-
хъ». Ѳ. М. Достоевскій въ своемъ показаніи на слѣд-
іи говоритъ: «я всегда уважалъ Петрашевскаго, какъ
ловѣка честнаго и благороднаго». Отзывъ Корфа о Пе-
ашевскомъ, что онъ былъ «человѣкъ полоумный», мо-
тъ быть, вызванъ его временнымъ психическимъ забо-
ваніемъ во время заключенія въ тюрьмѣ и нѣкоторыми
ганностями его характера [5]. Что же касается эпитета
ерзкій», то, во-первыхъ, всѣ люди со смѣлыми и новы-
взглядами кажутся дерзкими представителямъ оффи-
льнаго міра, а, во-вторыхъ, Петрашевскій былъ, дѣй-
ительно, не изъ тѣхъ людей, которые позволяютъ себѣ
ступить на ногу [6]. На допросѣ онъ не только не
рывалъ своихъ убѣжденій, не только пытался на облом-
къ штукатурки написать товарищамъ, что они должны
казывать на слѣдствіи, но даже переходилъ, такъ ска-
гь, въ наступленіе, грозя слѣдователямъ судомъ Запад-
й Европы, чѣмъ и заслужилъ съ ихъ стороны весьма
одобрительную аттестацію человѣка «дерзкаго», «нагла-
», не изъявившаго раскаянія. Но дѣло въ томъ, что

---

[5] Еще въ юности онъ нерѣдко высказывалъ желаніе быть не
ъ, какъ „всѣ люди", „Рус. Стар.", 1900 г., № 9, стр. 449—451.

[6] Такъ, напр., когда онъ однажды попался на глаза въ цензур-
гъ комитетѣ грозному попечителю петербург. учеб. окр. Мусину-Пуш-
у, то на вопросъ послѣдняго: „Вы что за птица? Что вамъ нужно?"
нъ отвѣчалъ: „Я, ваше п—во, не птица, а человѣкъ", и этимъ смѣ-
мъ отвѣтомъ заставилъ попечителя ретироваться. *Ѳ. Н. Устряловъ.*
оспомин. о Спб. универс.", „Ист. Вѣстн.", 1884 г. т. XVI, 600.
омъ, какъ Петрашевскій заступился за совершенно незнакомаго ему
овѣка, подвергшагося незаконнымъ дѣйствіямъ слѣдственнаго
става, см. ст. *А. В. Безроднаго* „Къ біографіи М. В. Буташевича-
грашевскаго". „Историч. Вѣстн.", 1901 г. № 1, стр. 225—229.

Петрашевскій былъ настолько глубоко убѣжденъ въ своей правотѣ, что до самой смерти считалъ себя невинно осужденнымъ и требовалъ не прощенія, а пересмотра своего дѣла.

II.

Мы не знаемъ, на какомъ основаніи Липранди утверждаетъ, что «общество» существовало уже съ 1842 г. [1]), между тѣмъ какъ знаменитыя пятницы Петрашевскаго начались съ 1845 г., быть можетъ, въ связи съ изданнымъ имъ въ то время первымъ выпускомъ «Словаря иностранныхъ словъ». Вѣроятно, Липранди имѣлъ при этомъ въ виду попытки пропаганды, начатой Петрашевскимъ по окончаніи имъ курса въ петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету (въ 1841 г.). Положимъ, Петрашевскій былъ замѣченъ въ «либеральномъ образѣ мыслей» еще въ 1836 г. въ лицеѣ, когда ему было всего 14 лѣтъ, въ университетѣ также не были тайною его «чрезвычайно либеральныя идеи» [2]). Въ запискѣ слѣдственной комиссіи приводятся отрывки изъ его черновыхъ набросковъ 1840 г. подъ заглавіемъ: «Мои афоризмы или обрывочныя понятія обо всемъ, мною самимъ порожденныя». Здѣсь Петрашевскій, между прочимъ, высказывался за сохраненіе принципа національности при устройствѣ государствъ, за децентрализацію и за республиканскую форму правленія: «Государства должны быть основаны по народамъ», писалъ онъ, «отношенія же между народами должны быть какъ Штаты Сѣверной Америки или провинціями одного и того же государства. Пошлинъ и таможенныхъ сборовъ не должно существовать. Промышленности должна быть дана полная свобода, чтобы цѣль назначенія человѣчества была постигнута, и люди сознавали, что они люди. Правленіе должно быть представительное, республиканское. Тѣ ог-

[1]) „Рус. Стар.“ 1872 г., т. VI, 75.

[2]) Вѣроятно, поэтому Петрашевскій былъ выпущенъ изъ лицея съ чиномъ только XIV класса. „Рус. Стар.“ 1900 г. № 9, стр. 449.

ныя войска, которыя нынѣ содержатся, были бы не :ны, ибо война не должна бы имѣть мѣста. Въ религіи ершенная терпимость». Въ другомъ мѣстѣ Петрашеві писалъ: «мнѣ думается, что Сибирь замѣнитъ наящую Россію, и что въ ней-то и возникнетъ народть русская безъ примѣси, и правленіе республиканское ней будетъ господствующимъ».

По окончаніи университетскаго курса Петрашевскій должалъ набрасывать свои мысли. Слѣдственная комисотмѣтила заглавія слѣдующихъ предположенныхъ имъ гей: а) О необходимости отправленія суда открыгъ, а не инквизитивнымъ образомъ, и о преимущеахъ открытыхъ судовъ предъ закрытыми; б) Объ учреніи новаго воспитательнаго учебнаго заведенія, откуда одили бы люди—людьми и граждане—гражданами; О негодности Свода законовъ; г) О введеніи мирныхъ ей; д) О томъ, что пожаръ Москвы есть болѣе призъ грубаго варварства, нежели истиннаго патріотизма, оказаніе на основаніи философіи, въ чемъ долженъ гоять патріотизмъ. Подозрительнымъ показалось косіи даже слѣдующее заглавіе: «объ общихъ началахъ опредѣленія степени совершенства всякаго рода».

Въ разсужденіи на тему: «Неужели человѣчество ечено на вѣчность застоя и умственнаго оцѣпенѣнія?» рашевскій указывалъ на трудность освободиться отъ днаго вліянія предразсудковъ, говорилъ о «гибельной сности возстать противъ закоренѣлыхъ предразсудковъ цества, въ которомъ не существуетъ суда присяжныхъ истинныхъ знатоковъ всякаго дѣла», сравнивалъ «приніе и участь нововводителей съ судьбою проповѣднитъ первыхъ вѣковъ христіанства», а «судъ надъ ними цества» называлъ «сатанинскою насмѣшкою надъ приою и человѣчествомъ».

Во всѣхъ этихъ невинныхъ общихъ размышленіяхъ редположеніяхъ о необходимости суда присяжныхъ, снаго судопроизводства, мировыхъ судей и проч. слѣд-

ственная комиссія не только усмотрѣла, что «по окончаніи университетскаго курса либеральное направленіе стало еще болѣе укореняться» въ Петрашевскомъ, но даже нашла въ нихъ «преступное стремленіе къ перемѣнѣ нынѣ существующаго въ Россіи порядка вещей», однако объ основаніи «общества» въ 1842 г. въ запискѣ комиссіи все-таки нигдѣ не упоминается.

Напротивъ, комиссія относитъ первую попытку Петрашевскаго вести пропаганду къ 1844 г., когда онъ хлопоталъ о мѣстѣ воспитателя въ лицеѣ и о допущеніи его преподавать въ этомъ заведеніи «юридическія науки», но, получивъ отказъ, «началъ приглашать къ себѣ нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ младшаго курса по праздничнымъ днямъ, прельщая», по словамъ комиссіи, «ихъ умы объясненіемъ новыхъ идей». У Петрашевскаго бывали слѣдующіе воспитанники лицея: Алексѣй Унковскій, Владиміръ Константиновъ и Александръ Бантышъ, въ то время уже выключенный изъ лицея. Какъ только это дошло до свѣдѣнія начальства, Унковскій и Константиновъ были тотчасъ допрошены, и оказалось, что вліяніе на нихъ Петрашевскаго «обнаружилось въ особенности скептическимъ настроеніемъ мыслей относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка, якобы несовмѣстнаго съ благоденствіемъ людей». Вслѣдствіе этого, Унковскій, «въ особенности склонный къ подобнымъ увлеченіямъ», былъ исключенъ изъ лицея изъ опасенія дурного вліянія его на товарищей, а Константиновъ былъ подвергнутъ исправительному наказанію. Алексѣй Унковскій— это извѣстный дѣятель по крестьянскому дѣлу въ Тверской губ. Въ своей обширной запискѣ объ упраздненіи крѣпостного права (1859 г.), не ограничиваясь разсмотрѣніемъ этого вопроса, онъ представилъ обширный планъ преобразованій: введенія суда съ присяжными и допущенія мѣстнаго самоуправленія [1]). Теперь оказывается, что о

[1]) См. *Скребицкій.* „Крестьян. дѣло“, т. I, 785—799.

необходимости всего этого еще въ ранней молодости онъ слышалъ отъ Петрашевскаго, вліяніе и примѣръ котораго могли дать ему и тотъ нравственный закалъ, который онъ проявилъ въ защитѣ дорогихъ ему взглядовъ.

Въ 1845 г. Петрашевскій, по свидѣтельству слѣдственной комиссіи, сталъ собирать по пятницамъ своихъ знакомыхъ, «преимущественно изъ воспитателей, молодыхъ литераторовъ и студентовъ, кончившихъ или оканчивавшихъ курсъ, съ цѣлью, нынѣ обнаруженною, чтобы потрясать умы соціальными книгами, разговорами и рѣчами», дѣйствовать на молодое поколѣніе, «не производить самому возстанія», но «малу-по-малу нанести ударъ правительству и настоящему порядку вещей... Въ 1848 г. собранія эти были немногочисленны, но съ этого года они начали увеличиваться»; начавшись съ 10, 15, а затѣмъ и 30 человѣкъ, число лицъ, посѣщавшихъ эти собранія, стало далеко значительнѣе [1]), «потому что гости мѣнялись съ каждымъ годомъ, даже съ каждымъ мѣсяцемъ: одни оставляли Петрашевскаго такъ же легко, какъ другіе съ нимъ знакомились».

Сохранилось нѣсколько описаній пятницъ Петрашевскаго въ разное время; наиболѣе раннее изъ нихъ, относящееся къ началу 1846 г., принадлежитъ В. Р. Зотову. Явившись на одну изъ пятницъ по приглашенію Михаила Васильевича, Зотовъ нашелъ, что «общество у него было довольно многочисленно, человѣкъ 20, все больше студенты, учителя, писатели. Я пришелъ поздно», продолжаетъ Зотовъ, «и засталъ только конецъ чтенія какой-то записки, гдѣ дѣло шло о необходимости освобожденія крестьянъ. Затѣмъ начались пренія о прочитанномъ. Говорили, какъ всегда у насъ, нескладно, длинно, неубѣдительно, горячась безъ толку, перебивая другъ друга, поминутно отвлекаясь предметами, вовсе не идущими къ

[1]) Собиралось до 50 человѣкъ

дѣлу, не умѣя ни возражать, ни выслушивать чужихъ доводовъ. Посыпались предложенія всякаго рода, и возможныя, и совершенно фантастическія, но все это было не разработано, не приведено въ систему, не выяснено, а главная черта—непрактично» *) Эти упреки Зотова мало основательны: никто не далъ еще въ то время полной, удовлетворявшей требованіямъ передовыхъ людей программы рѣшенія крестьянскаго вопроса; это впервые сдѣлалъ Герценъ въ своихъ заграничныхъ изданіяхъ въ первой половинѣ 1850-хъ гг., заслуга же Петрашевскаго, во всякомъ случаѣ, состояла въ томъ, что онъ будилъ и поддерживалъ въ обществѣ интересъ къ этому дѣлу первѣйшей важности и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ распространялъ освободительныя идеи.

Д. Д. Ахшарумовъ, познакомившійся съ Петрашевскимъ весною 1848 г., въ своихъ «Воспоминаніяхъ» говоритъ:

„У насъ не было никакого организованнаго общества, никакихъ общихъ плановъ дѣйствія, но разъ въ недѣлю у Петрашевскаго бывали собранія, на которыхъ вовсе не бывали постоянно все одни и тѣ же люди; иные бывали часто на этихъ вечерахъ, другіе приходили рѣдко, и всегда можно было видѣть новыхъ людей. Это былъ интересный калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ мнѣній о современныхъ событіяхъ, распоряженіяхъ правительства, о произведеніяхъ новѣйшей литературы по различнымъ отраслямъ знанія; приносились городскія новости, говорилось громко обо всемъ, безъ всякаго стѣсненія. Иногда кѣмъ-либо изъ спеціалистовъ дѣлалось сообщеніе въ родѣ лекціи; Ястржембскій читалъ о политической экономіи, Данилевскій—о системѣ Fourier... Для порядка и предупрежденія шума отъ одновременныхъ разговоровъ и споровъ многихъ лицъ, Петрашевскій поручалъ кому-либо изъ гостей наблюдать за порядкомъ въ качествѣ предсѣдателя. На собраніяхъ этихъ не вырабатывались никогда никакіе опредѣленные проекты или заговоры, но были высказываемы осужденія существующаго порядка, насмѣшки, сожалѣнія о настоящемъ нашемъ положеніи... Нашъ маленькій кружокъ, сосредоточивавшійся вокругъ Петрашевскаго въ концѣ 40-хъ годовъ, носилъ въ себѣ зерно всѣхъ реформъ 60-хъ годовъ.

„Вечера Петрашевскаго, по содержанію разговоровъ, касавшихся преимущественно соціально-политическихъ вопросовъ, представляли большой интересъ для насъ и потому, что они были единственны въ

*) „Истор. Вѣст.“, 1890 г., № 6, стр. 540.

своемъ родѣ въ Петербургѣ. Собранія эти продолжались обыкновенно до поздней ночи, часовъ до двухъ или трехъ, и кончались скромнымъ ужиномъ. Петрашевскій былъ человѣкъ лѣтъ 34, средняго роста, полный собою, весьма крѣпкаго сложенія, брюнетъ, на одежду свою онъ обращалъ мало вниманія, волосы его были часто въ безпорядкѣ, небольшая бородка, соединявшаяся съ бакенбардами, придавала круглоту его лицу. Черные глаза его, нѣсколько прищуренные, какъ бы проникали въ даль. Лобъ у него былъ большого размѣра, нахмуренный; онъ говорилъ голосомъ низкимъ и негромкимъ, разговоръ его былъ всегда серьезный, часто съ насмѣшливымъ тономъ; во взорѣ болѣе всего выражались глубокая вдумчивость, презрѣніе и ѣдкая насмѣшка. Это былъ человѣкъ сильной души, крѣпкой воли, много трудившійся надъ самообразованіемъ, всегда углубленный въ чтеніе новыхъ сочиненій, и неустанно дѣятельный, онъ состоялъ на службѣ при Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ имѣлъ большую библіотеку новѣйшихъ сочиненій, преимущественно по части исторіи, политической экономіи и соціальныхъ наукъ, и охотно дѣлился ею, не только со всѣми старыми своими пріятелями, но и съ людьми ему мало знакомыми, но которые казались ему порядочными, и дѣлалъ это по убѣжденію для общественной пользы. Онъ говорилъ мнѣ, что въ теченіе около 8 лѣтъ много людей перебывало у него и разъѣхались въ разные города Россіи, и преимущественно въ университетскіе. Онъ давалъ читать всѣмъ просившимъ его и снабжалъ уѣзжающихъ книгами, которыя, по его усмотрѣнію, были полезны для умственнаго развитія общества. Вовсе не интересуясь общественными увеселеніями, онъ бывалъ повсюду: въ клубахъ, дворянскихъ собраніяхъ, маскарадахъ, съ единственною цѣлью заводить знакомства для узнанія и выбора людей“ [1]).

Пятницы Петрашевскаго того же времени такъ описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ген.-лейт. П. А. Кузьминъ:

„Я посѣщалъ эти вечера,—говоритъ онъ, съ весны 1848 г., и по совѣсти можно было сказать, что бесѣды на этихъ вечерахъ были не безынтересны для каждаго изъ присутствующихъ. Да и могло-ли быть иначе, когда тутъ собирался народъ молодой, образованный, читающій, мыслящій; впечатлѣнія принимались живо; всякая несправедливость, злоупотребленія, стѣсненія, самоуправство глубоко возмущали душу каждаго; напротивъ, всякое стремленіе къ благу общественному или частному вызывало сочувствіе въ какой-бы формѣ стремленіе это ни высказывалось. Цензура, убивавшая въ то время всякую здравую мысль, не только не допускала гласнаго обсужденія печатно предметовъ общаго интереса, но воспрещала даже малѣйшій намекъ на то, что могло-бы быть лучше, если-бы было иначе“. Поэтому весьма есте-

---

[1]) *Д. Д. Ахшарумовъ.* „Изъ моихъ воспоминаній“, стр. 15—17.

ственно, что вездѣ, гдѣ собирались люди выше средняго уровня, „они прямо высказывали свои убѣжденія, совершенно противоположныя грустному положенію дѣлъ... Съ общаго согласія принято было предложеніе раздѣлить вечера наши такимъ образомъ, что до ужина одинъ изъ присутствующихъ будетъ излагать какой-либо общественный вопросъ, въ какомъ видѣ онъ осуществляется нынѣ въ Россіи, удобства или неудобства, осязаемыя отъ такого, а не иного положенія дѣла, и, наконецъ, изысканіе и, если возможно, то указаніе средствъ къ замѣненію неудобныхъ порядковъ удобнѣйшими", а послѣ ужина Н. Я. Данилевскій (извѣстный впослѣдствіи публицистъ-славянофилъ) продолжалъ „изложеніе соціальныхъ теорій". Въ концѣ каждаго вечера „объявлялось, о какомъ предметѣ, касающемся Россіи, будетъ говорено въ слѣдующую пятницу и кѣмъ именно: кромѣ того, всегда находилось время побесѣдовать о текущихъ событіяхъ, какъ въ Россіи, такъ и за границею".

Въ 1848 г. П. А. Кузьминъ уѣхалъ изъ Петербурга и возвратился къ 1-му апрѣлю 1849 г. Въ тотъ же день (страстную пятницу) онъ отправился вечеромъ къ Петрашевскому, гдѣ изъ 20—30 посѣтителей нашелъ большинство старыхъ знакомыхъ, но гдѣ уже въ это время раскидывалъ свои сѣти Антонелли. На этотъ разъ, за неимѣніемъ другихъ охотниковъ, говорилъ самъ Петрашевскій о тѣхъ «трехъ главныхъ предметахъ», о которыхъ такъ часто у него бесѣдовали: уничтоженіе крѣпостного права, свободѣ книгопечатанія и улучшеніи судопроизводства и судоустройства. Рѣчь Петрашевскаго имѣла цѣлью «на основаніи статистическихъ данныхъ показать», въ какой послѣдовательности нужно рѣшить эти вопросы. На этотъ разъ, если память не измѣнила Кузьмину, Петрашевскій доказывалъ, что на первый планъ слѣдуетъ поставить вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права [1]). Кузьминъ же утверждалъ, что прежде всего необходимо рѣшить вопросъ объ улучшеніи судопроизводства и судоустройства.

---

[1]) Напротивъ, въ письмахъ къ Кузьмину въ Тамбовъ Петрашевскій писалъ: „Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ (объ эмансипаціи крестьянъ) не можетъ быть разрѣшенъ безъ предварительнаго преобразованія судоустройства и судопроизводства, т. е. безъ введенія de la publicité de procédure avec le jury" (гласности судопроизводства съ присяжными.)

Введеніе публичнаго и гласнаго судопроизводства неизбѣжно вызоветъ разборъ хода дѣлъ въ газетахъ и въ журналахъ, а это, парализуя строгость цензуры, постепенно приведетъ къ свободѣ книгопечатанія; «затѣмъ уже общество, подготовленное двумя предыдущими мѣрами, легко перейдетъ къ уничтоженію крѣпостного права» [1]). Въ пятницу 15 апрѣля у Петрашевскаго читалось Достоевскимъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю [2]).

Такова картина пятницъ Петрашевскаго, нарисованная рукою человѣка умѣреннаго и безпристрастнаго, который хотя и привлекался къ дѣлу, но былъ освобожденъ безъ всякаго наказанія [3]), но слѣдственная комиссія даже

---

[1]) Напротивъ, Д. Д. Ахшарумовъ полагалъ, что вопросы о судопроизводствѣ и объ освобожденіи крестьянъ должны разрѣшиться въ одинъ и тотъ-же день. Подробное изложеніе взглядовъ Петрашевцевъ на отмѣну крѣпостного права см. въ моей книгѣ „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка", т. II, 370—385.

[2]) Пятницы Петрашевскаго пользовались въ Петербургѣ широкою извѣстностью: такъ, нѣкто Петровъ, въ письмѣ къ знакомому отъ 1-го декабря 1848 г., въ числѣ удовольствій петербургской жизни называетъ: проповѣди Нильсена, „пропаганду Петрашевскаго", публичныя лекціи и фельетоны Плещеева.

[3]) Любопытно впечатлѣніе, которое произвели въ 1849 г. пятницы Петрашевскаго на молодого піаниста А. Г. Рубинштейна, только что пріѣхавшаго изъ заграницы; онъ нашелъ здѣсь „большое собраніе мужчинъ, молодыхъ и пожилыхъ, военныхъ и статскихъ; изъ военныхъ—разсказываетъ Рубинштейнъ,—помню одного,—то былъ Пальмъ, но хозяинъ все не появлялся. „Спрашиваю о немъ; мнѣ отвѣчаютъ: „подождите—увидите, насъ всѣхъ позовутъ". Наконецъ, раздается звонокъ, распахиваются двери, и мы входимъ въ большую комнату, гдѣ передъ эстрадою стоитъ рядъ стульевъ, какъ въ концертѣ. На эстраду входитъ мужчина съ бородой и начинаетъ читать что то въ родѣ соціалистическаго и коммунистическаго трактата... все это меня чрезвычайно удивило, и я не скрылъ своего удивленія отъ сосѣдей.— „Вотъ не ожидалъ, говорю я, встрѣтить что-либо подобное здѣсь, въ Россіи! Я понимаю, что такія чтенія и такія мысли и принципы высказываются за границей, тамъ есть для этого почва, условія быта и строй общественный совершенно другіе; но у насъ, въ Россіи, всѣмъ этимъ принципамъ не можетъ быть мѣста!" Петрашевскій навѣщалъ потомъ Рубинштейна и давалъ ему читать „разныя либеральныя на

и въ разговорахъ о крестьянскомъ вопросѣ, реформѣ судопроизводства и свободѣ книгопечатанія увидѣла тяжкое преступленіе,—тѣмъ болѣе строго отнеслась она къ бесѣдамъ о соціалистическихъ ученіяхъ, о формахъ правленія и о религіи.

Собранія происходили не только у Петрашевскаго, но и у нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Поручикъ л.-гв. московскаго полка Николай Момбелли зимою 1846—47 гг. завелъ у себя еженедѣльные литературные вечера, гдѣ читались оригинальныя и переводныя сочиненія, по выраженію слѣдственной комиссіи, «въ либеральномъ духѣ». Собранія эти обратили на себя вниманіе его начальства, но Момбелли объяснилъ, что они имѣютъ чисто литературный характеръ; напротивъ, Липранди въ своей запискѣ утверждалъ, что содержаніе преній на этихъ вечерахъ едва-ли можетъ имѣть прямое отношеніе къ литературѣ. Момбелли прекратилъ свои собранія въ февралѣ 1847 г. и затѣмъ, познакомившись съ Петрашевскимъ, постоянно посѣщалъ его пятницы.

Въ послѣдніе два мѣсяца 1848 г. собранія происходили также еженедѣльно, но не въ опредѣленные дни, у служившаго въ азіатскомъ департаментѣ Кашкина [1]). По свидѣтельству слѣдственной комиссіи, «въ этомъ кружкѣ было гораздо болѣе стройности и единомыслія, чѣмъ въ кружкѣ Петрашевскаго: въ немъ была опредѣленная цѣль—изученіе системъ соціальныхъ и коммунистскихъ и по преимуществу системы Фурье. Кружокъ этотъ составляли (кромѣ К. М. Дебу 1-го) молодые люди высшаго гражданскаго воспитанія, всѣ одинаково образованные, равные и по положенію своему въ обществѣ, и по своему

иностранныхъ языкахъ книги" и толковалъ съ нимъ „о конституціи, о парламентахъ и проч.". „Воспоминанія А. Г. Рубинштейна", „Рус. Стар." 1889 г., № 11, стр. 539—540.

[1]) Съ новаго года они на нѣкоторое время перемѣщались къ товарищу Кашкина по лицею Отто, но съ половины февраля 1849 г. снова перешли къ Кашкину.

состоянію [1]). Нѣкоторые изъ нихъ съ безотчетнымъ энтузіазмомъ предались соціальнымъ утопіямъ въ смыслѣ науки; нѣкоторые зачали примѣнять ихъ къ быту Россіи, другіе-же помышляли уже и о возможно скорѣйшемъ приведеніи ихъ въ дѣйствіе и читали на собраніяхъ рѣчи, далеко опередившія всѣ рѣчи и всѣ разговоры на собраніяхъ у Петрашевскаго».

Съ начала марта до половины апрѣля 1849 г. бывали еще по субботамъ собранія у двухъ жившихъ вмѣстѣ молодыхъ литераторовъ: С. Ѳ. Дурова и подпоручика л.-гв. егерск. полка А. И. Пальма (съ ними жилъ еще кол. секр. Щелковъ).

Сергѣй Ѳед. Дуровъ родился въ 1816 г. въ имѣніи своего отца. Получивъ довольно хорошее для своего времени воспитаніе, Дуровъ поступилъ на гражданскую службу, которую и продолжалъ до конца 40-хъ гг., послѣ чего вышелъ въ отставку. Очень рано онъ сталъ посвящать досуги отъ службы литературной дѣятельности. Первыя стихотворенія, помѣщенныя имъ въ современныхъ альманахахъ, печатались довольно долго безъ имени автора. Только начиная съ 1843 г. имя его стало появляться на страницахъ журналовъ. Однимъ изъ первыхъ подписанныхъ имъ стихотвореній былъ переводъ изъ Байрона, помѣщенный въ «Литературной Газетѣ» 1843 г. Начиная съ слѣдующаго года, стихотворенія Дурова, а также повѣсти въ прозѣ, стали появляться въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Финскомъ Вѣстникѣ», въ «Иллюстраціи» (1846 —

---

[1]) На собраніяхъ у Кашкина бывали изъ числа арестованныхъ Н. А. Спѣшневъ, К. М. Дебу 1-й, его братъ И. М. Дебу 2-й, его пріятель кандидатъ университета Д. Д. Ахшарумовъ, чиновники: Европеусъ, Ващенко, Есаковъ и студентъ Ханыковъ. Изъ небывшихъ арестованными: чиновникъ Отто, студ. Европеусъ 2-й, чиновникъ Пенскій, Ахшарумовъ 1-й (извѣстный впослѣдствіи писатель Ник. Дм.), кн. Петръ Трубецкой, кн. Семенъ Черкасскій и чиновники Николаевъ и Рахманиновъ. Участіе въ кружкѣ неарестованныхъ, по оффиціальному свидѣтельству, было «болѣе отрицательное, чѣмъ положительное».

1847 гг.) и нѣкоторыхъ альманахахъ. Стихотворенія эти были частью оригинальныя, частью переводныя—изъ Байрона, А. Шенье, В. Гюго, Мильвоа; одно стихотвореніе Барбье—«Кіая» было напечатано [1]) безъ имени автора, очевидно, по цензурнымъ причинамъ.

Изъ напечатаннаго Дуровымъ до ссылки всего значительнѣе въ идейномъ отношеніи именно этотъ переводъ изъ Барбье, несмотря на всѣ его погрѣшности, какъ зависящія, такъ и независящія отъ переводчика: подъ послѣдними мы разумѣемъ пропуски, сдѣланные цензурой. Эта пьеса Барбье состоитъ изъ разговора художника Сальватора Розы съ неаполитанскимъ рыбакомъ и превосходно изображаетъ тогдашнее тяжелое положеніе Италіи; оно очень нравилось товарищамъ Дурова по кружку, очевидно находившимъ въ немъ аналогію съ явленіями имъ близкими, а также и симпатичную имъ вѣру въ лучшее будущее. Рыбакъ жалуется, что они, «какъ волы, осуждены судьбою нести ярмо тяжелаго рабства». Художникъ вторитъ ему и кончаетъ свой монологъ словами:

„Изъ двухъ друзей, бесѣдующихъ вмѣстѣ,
Всегда одинъ безнравственный доносчикъ".

Однако рыбакъ не теряетъ надежды на лучшія времена; онъ вѣритъ, что провидѣніе...

. . . . . . „облегчитъ
Путь къ счастью. Мы, спящіе на камнѣ
И цѣлый день трудящіеся въ потѣ.
Когда-нибудь узнаемъ лучшій жребій [2]).

---

[1]) Въ «Финскомъ Вѣстникѣ» 1846 г., т. X, стр. 5—12.

[2]) Въ подлинникѣ это мѣсто гораздо сильнѣе:
«Nous n'irons pas toujours, comme des chiens honteux,
Le long du vieux marché, sous ses antres bourbeux,
Chercher à nos petits un peu de nourriture:
Nous qui suons le jour et couchons sur la dure,
Qui n'avons ici-bas que la peine et le mal,
Nous n'irons pas toujours mourir à l'hôpital,
Nos crocs ne seront plus chargés d'étoupes molles.

Изъ насъ теперь немного легковѣрныхъ!
Придетъ пора, и явятся межъ насъ
Мыслители, въ устахъ съ желѣзнымъ словомъ.
Объѣвши кость, захочется намъ мяса,
За осенью для насъ наступитъ лѣто...
Когда-нибудь въ заливѣ голубомъ,
На золотомъ пескѣ бреговъ Кіаи,
Я уловлю въ сѣтяхъ моихъ свободу".

Но художникъ настроенъ гораздо болѣе скептически; онъ отвѣчаетъ:

„О, рыболовъ, ужель ногою бѣлой
На палубу къ тебѣ свобода станетъ?
Ужель она рукой твоихъ собратій
Введется къ намъ въ Неаполь? Я боюсь,
Чтобъ рѣчь твоя напрасно не погибла,
Какъ звукъ пустой и лживый. Эта гостья,
Которую свободой мы зовемъ,
Нисходитъ къ тѣмъ, которые достойны
Ея любви, а мы погрязли въ лѣни"...

Рыбакъ защищаетъ народъ:

„... Народъ всегда надеженъ,
Народъ всегда—хорошая земля,
Удобная къ богатой разработкѣ" [1])...

Барбье оставался любимымъ поэтомъ Дурова и въ концѣ его жизни: въ 1860-хъ гг. онъ напечаталъ еще нѣсколько переводовъ изъ произведеній этого поэта и на этотъ разъ, по отзыву компетентнаго цѣнителя, прекрасно перевелъ нѣкоторыя его стихотворенія.

Сожитель Дурова—Пальмъ напечаталъ нѣсколько стихотвореній (а также одну повѣсть) въ тѣхъ-же журналахъ, гдѣ помѣщалъ свои произведенія и Дуровъ, т. е. въ «Библіотекѣ для Чтенія» и въ «Финскомъ Вѣстникѣ».

О вечерахъ у Дурова и Пальма подробныя свѣдѣнія сообщаетъ А. П. Милюковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о

[1]) Заключеніе этого монолога „Aussi, malheur! malheur à qui pèse sur lui" отсутствуетъ въ переводѣ такъ же, какъ и одно сильное мѣсто въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ Сальватора Розы: «je suis las d'attendre l'ouragan». «Iambes et poèmes par Auguste Barbier». P. 1849, p. 153—164.

Ѳ. М. Достоевскомъ. Этотъ кружокъ, по его словамъ, «состоялъ изъ людей, посѣщавшихъ Петрашевскаго, но не вполнѣ согласныхъ съ его мнѣніемъ». Вопреки приведенному выше оффиціальному свидѣтельству, Милюковъ утверждаетъ, что «это была кучка молодежи болѣе умѣренной... Въ небольшой квартирѣ ихъ собирался... организованный (?) кружокъ молодыхъ военныхъ и статскихъ, и такъ какъ хозяева были люди небогатые..., то всѣми дѣлался ежемѣсячный взносъ на чай и ужинъ и на оплату взятаго на-прокатъ рояля». Здѣсь бывали Ник. Александ. Спѣшневъ и студентъ Пав. Ник. Филипповъ, «люди очень образованные и милые», кромѣ того, Ѳ. М. и М. М. Достоевскіе, Порф. Ив. Ламанскій, Момбелли *). Милюковъ говоритъ о кружкѣ Дурова, который онъ «посѣщалъ постоянно и считалъ какъ бы своей дружеской семьей..., что въ немъ не было никакихъ чисто революціонныхъ замысловъ, и сходки эти, не имѣвшія не только писаннаго устава, но и никакой опредѣленной программы, ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать тайнымъ обществомъ. Въ кружкѣ получались только и передавались другъ другу недозволенныя въ тогдашнее время книги революціоннаго и соціальнаго содержанія, да разговоры большею частью обращались на вопросы, которые не могли тогда обсуждаться открыто», а именно: вопросы объ освобожденіи крестьянъ и отмѣнѣ цензуры.

«Въ кружкѣ Дурова», продолжаетъ А. П. Милюковъ, «было нѣсколько жаркихъ соціалистовъ. Увлекаясь гуманными утопіями европейскихъ реформаторовъ, они видѣли въ ихъ ученіи начало новой религіи, долженствующей пересоздать человѣчество и устроить общество на новыхъ соціальныхъ началахъ. Все, что являлось новаго по этому

*) Кромѣ нихъ, въ запискѣ слѣдственной комиссіи названы изъ числа арестованныхъ: литераторъ А. Н. Плещеевъ, штабсъ-капит. Ѳ. Н. Львовъ, поруч. Григорьевъ и чиновникъ Головинскій, а изъ числа неарестованныхъ: чиновники Ламанскій I (Евг. Ив.), Кашевскій, Милюковъ и Мордвиновъ.

предмету во французской литературѣ, постоянно получалось, распространялось и обсуждалось на нашихъ сходкахъ. Толки о Нью Ланаркѣ Роберта Оуэна и объ Икаріи Кабэ, а въ особенности, о фаланстерѣ Фурье и теоріи прогрессивнаго налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера. Всѣ мы изучали этихъ соціалистовъ, но далеко не всѣ вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ».

На одномъ изъ собраній у Дурова Достоевскій прочелъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, которое онъ читалъ и въ разныхъ другихъ знакомыхъ домахъ и съ котораго давалъ списывать копіи. Оно ходило по рукамъ вмѣстѣ съ привезенною также изъ Москвы статьею Герцена «Петербургъ и Москва». Милюковъ прочелъ переведенную имъ на церковно-славянскій языкъ главу изъ «Paroles d'un croyant» Ламеннэ. Дуровъ нерѣдко читалъ свои стихотворенія [1]).

На первомъ вечерѣ у Дурова Момбелли прочелъ свое разсужденіе о томъ, что всѣ они, люди болѣе или менѣе одинаковаго направленія и образа мысли, должны тѣснѣе сближаться, чтобы, вліяя другъ на друга, «тверже укрѣпиться въ этомъ направленіи и успѣшнѣе поддерживать свои идеи въ общественномъ мнѣніи». Предложеніе это, однако же, не было принято, и Момбелли тогда же разорвалъ свою статью [2]). Послѣ первыхъ четырехъ-пяти вечеровъ Момбелли и совсѣмъ отказался бывать въ этомъ кружкѣ, а Плещеевъ уѣхалъ въ Москву [3]).

Студентъ Филипповъ предложилъ заняться составленіемъ статей, по выраженію Милюкова, «обличительнаго

[1]) „Рус. Стар.“ 1886 г., т. XXX, 694—698, или въ книгѣ А. Милюкова „Литературныя встрѣчи и знакомства“. Спб. 1890 г. стр. 175 - 185. На вечерахъ у Милюкова и у извѣстнаго переводчика Диккенса И. И. Введенскаго часто бывалъ Ник. Гавр. Чернышевскій, тогда еще студентъ петербургскаго университета.

[2]) Сравни ниже подобное же предложеніе Момбелли Львову и Петрашевскому.

[3]) Откуда и прислалъ копію съ письма Бѣлинскаго къ Гоголю.

содержанія» относительно современнаго состоянія Россіи въ юридическомъ и административномъ отношеніяхъ. Развивая эту мысль, Филипповъ сказалъ:

— Каждый изъ насъ долженъ не только не скрывать своихъ мнѣній, а, напротивъ, всегда и вездѣ поддерживать ихъ смѣло и открыто... Должно вмѣнить себѣ въ обязанность распространять свои мнѣнія и представлять въ разоблаченномъ видѣ всѣ злоупотребленія и недостатки администраціи.

Когда члены кружка Дурова изъявили желаніе имѣть копіи съ прочитанныхъ у него на собраніяхъ статей, то Филипповъ предложилъ для распространенія ихъ устроить домашнюю литографію. Почти всѣ согласились, но М. М. Достоевскій убѣдилъ отказаться отъ этого предпріятія въ виду его опасности.

18-го апрѣля 1849 г. (за нѣсколько дней до ареста) Пальмъ и Дуровъ разослали извѣщеніе, что вечеровъ у нихъ болѣе не будетъ.

Зимою 1848—49 г. были также собранія у поэта А. Н. Плещеева, который въ это время былъ еще очень молодъ (онъ родился 22-го ноября 1825 г.).

Опредѣленный родителями въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, Плещеевъ скоро вышелъ оттуда и впослѣдствіи (въ 1843 г.) вступилъ на восточный факультетъ петербургскаго университета, но курса здѣсь не кончилъ. Литературныя наклонности очень рано проявились въ немъ: переводъ одного стихотворенія Рюккерта онъ напечаталъ еще студентомъ въ 1844 г. въ «Современникѣ» Плетнева, т. е. когда переводчику не исполнилось 19-ти лѣтъ. Затѣмъ, кромѣ этого журнала, онъ помѣщалъ свои стихотворенія въ «Иллюстраціи» Кукольника, въ «Библіотекѣ для Чтенія», въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» Межевича, въ «Литературной Газетѣ» Краевскаго и въ нѣсколькихъ альманахахъ. Какъ напечатанныя въ этихъ журналахъ, такъ и новыя стихотворенія были изданы имъ небольшою книжкою въ 1846 г., гдѣ, между прочимъ, было помѣщено

и знаменитое «Впередъ безъ страха и сомнѣнья!» Введеніемъ къ этому сборнику служило стихотвореніе «Сонъ» (съ эпиграфомъ изъ «Paroles d'un croyant» Ламеннэ), въ которомъ богиня дѣлаетъ такое предсказаніе избранному ею пророкомъ, т. е. самому поэту:

„Скажу-ль я, что тебя въ твоей отчизнѣ ждетъ?
Подыметъ на тебя каменья твой народъ
За то, что обвинишь могучимъ словомъ ты
Рабовъ грѣха, рабовъ постыдной суеты;
За то, что возвѣстишь ты мщенья грозный часъ
Тому, кто въ тинѣ зла и праздности погрязъ,
Чье сердце не смущалъ гонимыхъ братьевъ стонъ"...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ богиня предсказываетъ, что «зерно любви въ сердца глубоко западетъ», и міръ воскреснетъ къ новой жизни.

„И истинѣ святой, исполненъ новыхъ силъ,
Я далъ обѣтъ служить, какъ прежде ей служилъ.
Мой падшій духъ возсталъ... и утѣсненнымъ вновь
Я возвѣщать пошелъ свободу и любовь".

Другое стихотвореніе: «Поэту» написано на мотивъ изъ Барбье: «Le poéte doit être un protestant sublime du droit et de l'humanité».

Сборникъ стихотвореній Плещеева носилъ явные слѣды (въ видѣ многихъ строкъ точекъ) внимательнаго его чтенія цензоромъ А. В. Никитенкомъ [1]), и это обез-

[1]) Приведемъ два примѣра: къ заглавію стихотворенія: „На зовъ друзей" прибавлено: „Съ французскаго", между тѣмъ въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ" (1845 г., т. IX, 850) было названо имя автора—Огюста Барбье. Въ этомъ стихотвореніи были исключены цензоромъ три строки, которыя возстановлены въ позднѣйшихъ изданіяхъ (а четвертая строка измѣнена):

„Сижу-ли окруженъ шумящею толпою
На пиршествѣ большомъ, мнѣ слышенъ звукъ цѣпей;
И предстаетъ вдали, какъ призракъ, предо мною
Распятый на крестѣ Великій Назарей"!

Въ стихотвореніи „Поэту" не пропущены цензоромъ, между прочимъ, слѣдующіе два стиха:

„И вѣрь, что встрѣтишь, какъ Спаситель,
Учениковъ ты на пути".

(„Стихотворенія А. Плещеева" изд. 1846 г., стр. 5—6, 14—15; сравни 3-е изд. 1898 г., стр. 10—11, 500).

цвѣтило многія пьесы. Но, несмотря на это, произведенія молодого поэта были все-таки благосклонно встрѣчены почти всѣми тогдашними журналами и газетами, за исключеніемъ «Сѣверной Пчелы». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» извѣстный критикъ В. Н. Майковъ далъ о нихъ очень сочувственный отзывъ [1]). Въ 1847—49 гг. Плещеевъ напечаталъ въ «Современникѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» нѣсколько повѣстей въ прозѣ [2]).

Писателю такого направленія, какое ясно видно въ сборникѣ стихотвореній Плещеева, трудно было не увлечься новыми соціалистическими вѣяніями. Его собранія посѣщали тѣ же лица, которыхъ мы встрѣчали и въ другихъ мѣстахъ: Спѣшневъ, Дуровъ, Пальмъ, Момбелли, братья Достоевскіе, Н. Я. Данилевскій, Порф. Ламанскій. Здѣсь однажды Спѣшневъ вызвался печатать за границею книги, не пропущенныя цензурою. На одномъ изъ вечеровъ у Плещеева Н. Я. Данилевскій соглашался печатать, вмѣстѣ

[1]) Онъ началъ такъ свою рецензію: „Стихи къ дѣвѣ и лунѣ кончились навсегда. Настаетъ другая эпоха: въ ходу сомнѣніе и безконечныя муки сомнѣнія, страданіе общечеловѣческими вопросами, горькій плачъ на недостатки и бѣдствія человѣчества, на неустроенность общества... проникнутыя лирическимъ паѳосомъ воззванія на доблестный подвигъ, стремленіе къ вѣчному идеалу, къ истинѣ... вотъ что теперь въ ходу!.. Направленіе, о которомъ мы говоримъ, отразилось и на русской литературѣ, и отразилось не безплодно. Въ нынѣшнемъ году, въ лицѣ г. Плещеева, оно имѣетъ своего представителя исключительно въ русской поэзіи.—Въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится наша поэзія со времени Лермонтова, г. Плещеевъ— безспорно первый нашъ поэтъ въ настоящее время. Какъ великъ чинъ перваго поэта въ такое время, какъ наше, знаютъ всѣ тѣ, которые сколько нибудь слѣдятъ за нашими нынѣшними стихотворцами и ихъ произведеніями. Мы знаемъ только, что г. Плещеевъ—первый нашъ поэтъ". За этимъ вступленіемъ, которое отнюдь не слѣдуетъ принимать за иронію, слѣдуетъ весьма одобрительный разборъ стихотвореній Плещеева. *Валер. Майковъ*. „Критическіе опыты" СПб., 1891 г., стр. 129.

[2]) „Стихотворенія А. Н. Плещеева", изд. 3-е, 1898 г., стр. VIII—XV.

съ другими, за границею общепонятное изложеніе ученія Фурье на русскомъ языкѣ, но это предположеніе не было осуществлено.

Тою же зимою 1848—49 г. были собранія у К. М. Дебу, гдѣ преимущественно шли толки о системѣ Фурье.

Наконецъ, былъ еще въ апрѣлѣ обѣдъ у Спѣшнева, гдѣ поручикъ Григорьевъ, въ присутствіи почти все тѣхъ же лицъ, которыя посѣщали собранія Дурова и Пальма, прочелъ статью подъ названіемъ «Солдатская бесѣда» [1]).

Нужно замѣтить, однако, что, по признанію самой слѣдственной комиссіи, всѣ эти собранія, хотя и отличались «вообще духомъ, противнымъ правительству и стремленіемъ къ измѣненію существующаго порядка вещей», однако не обнаруживали *«ни единства дѣйствій, ни взаимнаго согласія; къ разряду тайныхъ организованныхъ обществъ они также не принадлежали»*, и не было доказано никакими положительными данными, чтобы они «имѣли какія-либо сношенія внутри Россіи». Заявленіе это настолько сильно говорило въ пользу лицъ арестованныхъ по этому дѣлу, что генералъ-аудиторіатъ, повторивъ его въ своемъ докладѣ, счелъ нужнымъ ослабить это заявленіе слѣдующею оговоркою: «За всѣмъ тѣмъ преступныя начинанія подсудимыхъ [2]), при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, *могли-бы* имѣть вредныя послѣдствія для спокойствія государства, если бы оныя не были своевременно предупреждены принятыми со стороны правительства мѣрами, тѣмъ болѣе, что превратныя мысли распространялись между многими лицами».

Приведенная выше оцѣнка слѣдственною комиссіею дѣятельности описанныхъ кружковъ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что говорили ея члены разнымъ высокопо-

---

[1]) Объ обѣдѣ въ память Фурье у Европеуса см. ниже.

[2]) Собственно „начинаній“ почти не было, если не считать покупки нѣкоторыхъ типографскихъ принадлежностей Филипповымъ и Спѣшневымъ, а были лишь разговоры и неосуществленныя предположенія.

ставленнымъ лицамъ. По свидѣтельству бар. Корфа, уже приведенному нами, члены комиссіи называли это дѣло *заговоромъ идей*, чѣмъ и объясняли трудность дальнѣйшихъ раскрытій: ибо если можно обнаруживать факты, то «*какъ же уличать въ мысляхъ, когда онѣ не осуществились еще никакимъ проявленіемъ, никакимъ переходомъ въ дѣйствіе*».

Каковы же были тѣ идеи, не за осуществленіе, но лишь за высказываніе которыхъ такъ жестоко пострадали петрашевцы? Мы отчасти уже познакомились съ ними изъ приведенныхъ свѣдѣній объ отдѣльныхъ кружкахъ, связанныхъ съ разсматриваемымъ дѣломъ, но необходимо сгруппировать въ болѣе систематическомъ порядкѣ тѣ идеи, которымъ сочувствовало большинство членовъ этихъ кружковъ.

III

Между тѣмъ какъ въ первой половинѣ 1830-хъ гг. русская молодежь увлекалась сенъ-симонизмомъ, теперь самымъ популярнымъ ученіемъ былъ фурьеризмъ [1]).

Петрашевцы знакомились съ соціалистическими ученіями изъ сочиненій Сенъ-Симона и сенъ-симонистовъ, Фурье, Консидерана, представившаго въ своемъ главномъ сочиненіи «Destinée sociale» (1835—44 г.) увлекательное изложеніе системы Фурье, сочиненія Кантагреля, защищавшаго идеи Фурье въ сатирической формѣ, журнала «Phalange», издававшагося съ 1836 г. почти до самаго конца 40-хъ гг. подъ редакціею Консидерана при сотрудничествѣ другихъ фурьеристовъ, въ особенности Кантагреля и Туссенеля, изъ «Almanach phalansterien», изъ сочиненій Кабэ, Луи-Блана, Прудона, Ламеннэ и трудовъ о соціализмѣ Би-

[1]) Объ ученіи Фурье см. статьи *Н. В. Водовозова* „Шарль Фурье" въ Истор. Обозр. Сборн. Ист. Общ. при С.-Петер. унив.", т. X. и *М. Василевскаго* въ словарѣ Брокгауза и Ефрона; о фурьеристахъ см. книгу O. Warschauer. Geschichte des Socialismus u. Communismus im XIX Jahrhundert. II Abtheilung.

лана и Лоренца Штейна. Болѣе всего были распростра-
ы повидимому сочиненія самого Фурье, а сочиненія Кон-
рана упоминаются гораздо рѣже.

Самымъ пламеннымъ фурьеристомъ былъ Петрашев-
вѣрившій въ возможность осуществленія утопическихъ
новъ Фурье въ ближайшемъ будущемъ [1]).

Еще въ 1846 г. Петрашевскій горячо рекомендовалъ
иненія Фурье въ своей статьѣ «Организація производ-
і» въ изданномъ имъ подъ именемъ другого лица, Ки-
лова, «Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ»,
рой выпускъ котораго, послѣ поступленія его въ прода-
былъ конфискованъ [2]). Согласно ученію Фурье, Петра-
скій считалъ «главными производительными силами или
алами» во всякомъ производствѣ талантъ, капиталъ и
дъ.

«Предпочтеніе, оказываемое капиталу, овеществивше-
ся труду, простирается до того, что личность и права
овѣка, какъ человѣка, иногда приносятся въ жертву
ществленному труду (travail consolidé) предшествовав-
къ поколѣній человѣчества, часто незаконно и неспра-
ливо усвоенному». То вліяніе, «которое пріобрѣли на
цественную жизнь овеществленный трудъ—капиталъ и
представитель—деньги или денежная аристократія... не
ло долго оставаться незамѣченнымъ и не обратить на
я вниманія всѣхъ тѣхъ, кому близки къ сердцу прогрессъ
частье человѣчества, и не заставить ихъ отыскивать спо-
ы къ устраненію этого общественнаго зла. Такимъ об-
омъ, возникнулъ вопросъ объ *организаціи производ-
ва*, который сталъ теперь жизненнымъ вопросомъ со-
меннаго общества и породилъ цѣлую литературу, кото-
должна составить эпоху въ исторіи человѣчества по

[1]) О томъ, съ какимъ усердіемъ Петрашевскій распространялъ
иненія Фурье, см. „Рус. Стар.", 1900 г., № 9, ст. 454.

[2]) О цензурныхъ тревогахъ по поводу этого словаря см.
ситенко. „Моя повѣсть о самомъ себѣ", изд. подъ редакц. М. К
ке. Спб. 1905 г., т. I, 365.

тому благотворному вліянію, которое она способна оказать на будущее развитіе человѣчества и устроеніе его благосостоянія».

Не упоминая о различныхъ другихъ способахъ организаціи производства и отсылая желающихъ ознакомиться съ историческимъ развитіемъ этого вопроса къ книгѣ фурьериста Виллегарделля [1]), Петрашевскій на этотъ разъ ограничивается указаніемъ на ученіе Шарля Фурье, «преимущественно замѣчательное потому, что оно не исключаетъ и не приноситъ ни одного изъ сихъ агентовъ про изводства въ жертву другого, и черезъ это дѣлаетъ *безусловно возможнымъ* [2]) установленіе солидарности интересовъ, ни мало не оскорбляя уже установившихся общественныхъ отношеній. Въ своихъ сочиненіяхъ «Nouveau monde industriel» и «La fausse industrie» онъ показываетъ эти способы согласованія. Предложенный имъ способъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ, признавая значеніе всѣхъ этихъ производительныхъ силъ, даетъ каждой изъ нихъ постоянное безобидное вознагражденіе—дивидендъ, и тѣмъ ослабляетъ дѣйствіе капитала». Указавъ на то, какъ предлагаетъ Фурье дѣлить «всю массу вновь произведенныхъ цѣнностей» между представителями капитала, труда и таланта (за вычетомъ издержекъ производства), Петрашевскій поясняетъ, что Фурье «не всякому труду предлагаетъ равное вознагражденіе, но всякому труду предлагается доля, *прямо пропорціональная его полезности и обратно пропорціональная его привлекательности*» [3]).

---

[1]) Villegardelle, „Histoire des idées sociales avant la Révolution francaise, ou les socialistes modernes devancés et dépassés par les anciens penseurs".

[2]) Курсивъ автора.

[3]) Курсивъ автора. „Карм. словарь иностр. словъ, вошед. въ составъ рус. яз., издав. Кирилловымъ", ст. 317—319. Объ отношеніи Петрашевскаго къ фурьеризму см. мою статью „Крѣпостное право и крестьян. реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова", первоначально напечатанную въ „Сборн. Правов. и Общ. Зн.", т. I. стран. 129—132, а нынѣ изданную отдѣльно книгоиздательствомъ „Донская Рѣчь". Въ

7-го апрѣля 1849 г. въ день рожденія Фурье былъ устроенъ въ квартирѣ Европеуса обѣдъ, на которомъ присутствовали: Петрашевскій, два брата Дебу, Спѣшневъ, Кашкинъ, Д. Д. Ахшарумовъ, Ханыковъ, два брата Европеуса, Есаковъ и Ващенко. Приглашенный на обѣдъ [1]) Н. Я. Данилевскій, считавшійся большимъ знатокомъ ученія Фурье и читавшій о немъ лекціи на собраніяхъ у Петрашевскаго, не явился. Ахшарумовъ въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ: «Сегодня первый обѣдъ фурьеристовъ въ Россіи, и *всѣ они здѣсь*, десять человѣкъ» (кромѣ самого оратора), «немногимъ болѣе». Дѣйствительно, не всѣ, причастные къ дѣлу Петрашевскаго, увлекались въ такой степени, какъ Ахшарумовъ и нѣкоторые другіе, ученіемъ Фурье.

И. М. Дебу и Ханыковъ, человѣкъ очень живой, имѣвшій массу знакомыхъ, стали интересоваться соціалистическими ученіями еще на университетской скамьѣ. У нихъ составился свой кружокъ, и подъ вліяніемъ лекцій профессора Порошина [2]) они вообще занимались эконо-

статьѣ „Нормальное состояніе", авторъ говоритъ: „*Нормально развитымъ* или благоустроеннымъ *обществомъ*... будетъ то, которое *доставляетъ всякому изъ членовъ своихъ средства для удовлетворенія ихъ нуждъ пропорціонально потребностямъ* и поставляетъ всякаго человѣка въ такое положеніе или отношеніе къ цѣлому обществу, что онъ, предаваясь вполнѣ влеченію естественныхъ своихъ побужденій, нисколько не можетъ нарушать гармоніи общественныхъ отношеній, но будетъ дѣятелемъ не только полезнымъ самому себѣ, но и цѣлому обществу, безъ самозакланія личности.—Человѣчество тогда только можно почесть достигшимъ *нормальнаго развитія* или *состоянія*, когда духъ единства и единенія проникнетъ всѣхъ людей, когда все, что считается трудомъ удручающимъ, отвратительнымъ, обратится въ *источникъ непосредственнаго наслажденія жизнью* („Карм. слов.", стр. 251, курсивъ автора,)

[1]) См. о немъ подробнѣе въ нашей статьѣ о Салтыковѣ, стр. 129—130. Кашкинъ прочелъ здѣсь въ русскомъ переводѣ стихотвореніе Беранже „Les fous", гдѣ прославлялись Сенъ-Симонъ, Фурье и Анфантенъ.

[2]) Вѣроятно, къ нимъ относится отзывъ предсѣдателя комиссіи, разбиравшей бумаги арестованныхъ, кн. Голицына, объ университетскихъ лекціяхъ по политической экономіи, найденныхъ у Ханыкова:

мическими и общественными вопросами, стали изучать сочиненія Луи Блана, Фурье, Прудона, сочиненія Л. Штейна о соціализмѣ во Франціи, а свѣдѣнія о Россіи почерпали, между прочимъ, изъ сочиненія Гакстгаузена. Въ этомъ кружкѣ принималъ также участіе Фонъ-Визинъ (сынъ декабриста), выѣхавшій изъ Петербурга на югъ въ 1847 г. [1]. На обѣдѣ въ память Фурье Ханыковъ произнесъ въ честь его пламенную рѣчь [2]), а И. М. Дебу сдѣлалъ предложеніе о переводѣ на русскій языкъ главнѣйшихъ сочиненій Фурье, и всѣ присутствовавшіе согласились принять участіе въ этомъ переводѣ. Оба брата Дебу, Ахшарумовъ, Спѣшневъ, Ханыковъ, Европеусъ старшій, Ващенко и Есаковъ входили, какъ мы видѣли, въ составъ спеціально занимавшагося изученіемъ сочиненій Фурье кружка Кашкина, по воспинію лицеиста, также служившаго въ азіатскомъ департаментѣ. Они начали было составлять вторую библіотеку изъ соціалистическихъ сочиненій, которою завѣдывалъ К. М. Дебу. Д. Д. Ахшарумовъ произнесъ на обѣдѣ въ высшей степени характерную рѣчь въ духѣ фурьеризма, которая понята была слѣдователями буквально и (въ связи съ найденными его набросками) вызвала обвиненіе ея автора въ желаніи «разрушить города и храмы».

Во время ареста Ахшарумова у него найдена была «Записная книга 1848 г.», съ изложеніемъ въ ней темъ или отдѣльныхъ мыслей. На первой страницѣ, въ видѣ перечня предметовъ, о которыхъ слѣдуетъ писать, здѣсь

„Онѣ доказываютъ вредное направленіе, даваемое учащимся, черезъ занятіе ума и воображенія ихъ подробнымъ философскимъ разборомъ теорій о соціализмѣ и коммунизмѣ, и при томъ не въ духѣ благонамѣренномъ, но въ выраженіяхъ соблазнительныхъ, часто выставляя благодѣтельную цѣль системъ, влекущихъ къ ниспроверженію всякаго порядка". (Слова эти составляютъ повтореніе съ нѣкоторыми сокращеніями отзыва Липранди, разсматривавшаго лекціи по порученію кн. Голицына).

[1]) *О. Миллеръ.* „Матер. для жизнеоп. Ѳ. М. Достоевскаго". Въ „Полн. собр. соч. Достоевскаго" изд. 1883, I, 79—80.

[2]) Она изложена въ нашей статьѣ о Салтыковѣ, стр. 129—130.

было сказано слѣдующее: «О невозможности улучшенія человѣчества доселѣ принятыми средствами: религіею и ею предписываемыми правилами, проповѣдями священниковъ, устройствомъ суда и законовъ и о крайней необходимости измѣнить все, передѣлать во всѣхъ основаніяхъ общество и всю нашу глупую, безтолковую и пустую жизнь; объ уничтоженіи семейной жизни, труда, собственности въ такомъ видѣ, какъ они теперь, государства никуда не годнаго съ его министрами» и государями и «ихъ вѣчной безполезной политикой, объ уничтоженіи законовъ, войны, войска, городовъ и столицъ, въ которыхъ люди тяготятся и не перестаютъ страдать, проводятъ жизнь въ однихъ мученіяхъ и умираютъ въ отвратительныхъ болѣзняхъ».

Кромѣ того, въ бумагахъ друга Ахшарумова, его товарища по гимназіи и университету Ипполита Матвѣевича Дебу 2-го [1]), была найдена тетрадь Ахшарумова съ изложеніемъ его разсужденій по тремъ вопросамъ: «1) какія мои мысли и убѣжденія? 2) свободенъ ли я? 3) готовъ ли я?» Въ этой тетради слѣдственная комиссія по дѣлу петрашевцевъ обратила вниманіе на слѣдующія мѣста: «Жизнь, какъ она идетъ теперь, слишкомъ тяжела, обременительна, переполнена всякаго рода непріятностями и гадостями... Все это... томленіе, все, что мы всѣ поневолѣ терпимъ каждый день, происходитъ отъ того, что человѣкъ соединился въ слишкомъ огромномъ множествѣ для устроенія общественнаго своего блага... Оттого милліоны людей, желавшихъ лучшаго, не могли достигнуть своей цѣли. Они дѣлали ужасную ошибку: хотѣли устроить все перемѣною однѣхъ формъ управленія и не замѣтили того, что государства нельзя устро-

---

[1]) Оба они служили въ азіатскомъ департаментѣ, т. е. Ахшарумовъ служилъ собственно при учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ, состоявшемъ при названномъ департаментѣ. И. М. Дебу болѣе всѣхъ вліялъ на Ахшарумова, который отъ него узнавалъ о новыхъ наиболѣе популярныхъ сочиненіяхъ, преимущественно французскихъ, по новѣйшей исторіи, политической экономіи и о соціальныхъ системахъ.

ить. Государство должно погибнуть съ его министрами» и государями, «съ его войскомъ, съ его столицами, законами и храмами. Необходимо, чтобы вмѣсто него произошли небольшія общества, но которыя имѣли бы въ себѣ цѣлость, полноту, разнообразіе, независимость одно отъ другого, и представляли бы, такъ сказать, интегралы человѣчества». Далѣе, описывая всю тягость жизни въ нашемъ обществѣ, происходящую, по его мнѣнію, отъ неполнаго удовлетворенія всѣхъ страстей человѣка, авторъ пишетъ, что уничтожить это есть одно средство—«фаланстеръ Фурье» [1]).

Приведемъ одно стихотвореніе Д. Д. Ахшарумова въ духѣ ученія Фурье, написанное имъ во время заключенія въ крѣпости, въ августѣ 1849 г., такъ какъ оно живо рисуетъ его увлеченіе фурьеризмомъ:

«Будущее земли и ея обитателей (по Фурье).

Etude psycho physique (Fourier).

„Земля, несчастная земля,
Міръ стоновъ, жалобъ и мученья!
На ней вся жизнь подъ гнетомъ зла
И всюду плачъ—со дня рожденья!
Въ дѣлахъ людскихъ раздоръ и крикъ,
И трубный звукъ, и гулъ орудій,
И вопль, и дикой славы кликъ:
Другъ друга бьютъ и рѣжутъ люди!
Но время лучшее придетъ:
Война кровавая пройдетъ,
Земля произрастетъ плодами,
И бѣдный мученикъ—народъ
Свободу жизни обрѣтетъ
Съ ея высокими страстями:
Обильный хлѣбъ взрастетъ надъ взрытыми полями,
И нищая земля покроется дворцами.
Тогда и для земной планеты
Настанетъ періодъ иной...

---

[1]) Рѣчь Ахшарумова въ томъ же духѣ на обѣдѣ Фурье изложена въ нашей статьѣ о Салтыковѣ и во вступительной статьѣ къ „Воспоминаніямъ" Д. Д. Ахшарумова, изд. „Общественною Пользою", Спб. 1905 г., стр. VIII—IX.

. . . .
Тогда измѣнятся и люди, и природа,
И будутъ на землѣ миръ, счастье и свобода" [1]).

Выдающимся членомъ кружка, собиравшагося у Кашкина, былъ Н. А. Спѣшневъ, человѣкъ въ высшей степени симпатичный, проведшій четыре года за границей [2]). По возвращеніи въ Россію онъ сталъ посѣщать собранія Петрашевскаго, съ которымъ былъ знакомъ еще въ лицеѣ (они были товарищи и ровесники), говорилъ тамъ рѣчи, участвовалъ въ преніяхъ. Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе радикальныхъ людей и въ религіозномъ, и въ политическомъ отношеніи изъ числа привлеченныхъ по дѣлу Петрашевскаго, какъ это будетъ видно далѣе и болѣе многихъ другихъ рвался перейти изъ области разговоровъ къ практической дѣятельности. Въ концѣ 1848 и въ началѣ 1849 г. онъ бывалъ на собраніяхъ у Дурова, Кашкина и Плещеева. Какъ уже было упомянуто, на вечерѣ у Плещеева онъ вызывался печатать за границей запрещенныя книги и участвовалъ въ совѣщаніяхъ у Дурова объ устройствѣ тайной типографіи. Вмѣстѣ со студентомъ Филипповымъ онъ рѣшилъ устроить эту типографію у себя и съ этою цѣлью за день до ареста Спѣшнева, Филипповъ уже доставилъ къ нему купленныя на деньги Спѣшнева [3]) нѣкоторыя типо-

---

[1]) *Д. Д. Ахшарумовъ.* „Изъ моихъ воспоминаній" 1905. г. стр 59—60.

[2]) Н. А. Огарева-Тучкова въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что Спѣшневъ „обращалъ всеобщее вниманіе своею симпатичною наружностью. Онъ былъ высокаго роста, имѣлъ правильныя черты лица темнорусыя кудри падали волнами на его плечи, глаза его, большіе сѣрые, были подернуты какою-то тихою грустью. Разсказывали, что онъ только что вернулся изъ чужихъ краевъ, гдѣ недавно похоронилъ женщину, для которой въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ оставлялъ свою страну, свою престарѣлую мать. Онъ вернулся, убитый этою потерей съ двумя дѣтьми, которыхъ его мать взяла на свое попеченіе". Н. А Огарева-Тучкова. „Воспоминанія 1848—1870. М. 1903, стр. 67.

[3]) Средства доставляло ему имѣніе въ Курской губ.

графскія принадлежности [1]). Когда Тимковскій въ октябрѣ 1848 г., на собраніи у Петрашевскаго, предложилъ для изученія и пропаганды системы Фурье устраивать кружки съ тѣмъ, чтобы они собирались у тѣхъ, кто глубже изучилъ науку, а хозяева этихъ кружковъ, какъ люди болѣе свѣдующіе, составляли-бы особый кругъ, который руководилъ бы прочими, разъяснялъ вопросы темные или спорные и заботился бы о пропагандѣ, то изъ всѣхъ присутствовавшихъ на собраніи къ его мнѣнію присоединился только Спѣшневъ. На другой день они, по взаимному соглашенію, рѣшили, что Тимковскій до возвращенія своего изъ Ревеля прекратитъ всякія сношенія съ кружкомъ Петрашевскаго (гдѣ, какъ мы видѣли, его мысль не встрѣтила сочувствія), а затѣмъ, «смотря по дѣйствіямъ» лицъ, посѣщавшихъ Петрашевскаго, будетъ видно, слѣдуетъ ли съ ними сблизиться, или нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они тутъ же рѣшили, по возвращеніи Тимковскаго изъ Ревеля, а Данилевскаго изъ деревни составить втроемъ особый кружокъ и дѣйствовать, какъ предлагалъ Тимковскій у Петрашевскаго, но предположеніе это не осуществилось, и Спѣшневъ, у котораго съ Петрашевскимъ было нѣкоторое соревнованіе [2]), вошелъ въ составъ кружка Кашкина. Относительно Тимковскаго еще отмѣтимъ, что онъ высказывалъ мысль о подачѣ правительству просьбы объ ассигнованіи денежныхъ средствъ на учрежденіе перваго общества для изученія и распространенія системы Фурье [3]). Петрашевскій также полагалъ, что было-бы весьма полезною мѣрою со стороны правительства, если бы оно дало средства на устройство перваго

---

[1]) При обыскѣ у него были найдены только четыре пустыхъ ящика. Спѣшневъ на допросѣ принялъ все это дѣло на себя, утверждая, что Филипповъ „дѣйствовалъ лишь по его указанію".

[2]) *Д. Ахшарумовъ.* „Изъ моихъ воспоминаній", стр. 18.

[3]) О горячемъ сочувствіи фурьеризму Тимковскаго и Данилевскаго, а также Баласогло, Ястржембскаго и Момбелли см. въ моей статьѣ о Салтыковѣ, стр. 132—134. Ястржембскій, между прочимъ, утверждалъ что „государство не имѣетъ никакой цѣли" и „что развитіе человѣчества должно быть по системѣ Фурье".

фаланстера. Это напоминаетъ предположенія членовъ «Союза Благоденствія» при Александрѣ I о возможности для этого общества работать съ вѣдома и одобренія правительства.

Данилевскій на слѣдствіи заявилъ, что февральская революція во Франціи разстроила его надежды на скорое осуществленіе ученія Фурье, и потому съ мая 1848 г. онъ совсѣмъ пересталъ бывать на вечерахъ у Петрашевскаго, но не пересталъ считать это ученіе справедливымъ даже и послѣ того, какъ имѣлъ много времени обдумать и обсудить его.

Люди, живо интересующіеся соціализмомъ вообще и особенно фурьеризмомъ, были и въ провинціи, гдѣ они распространяли по возможности ученіе, которое сами исповѣдовали. Таковы были Тимковскій и Беклемишевъ въ Ревелѣ (гдѣ первый переводилъ сочиненія Кантагреля и Консидерана) и Кайдановъ въ Ростовѣ. Горячій интересъ послѣдняго къ соціализму виденъ изъ его переписки съ братомъ.

Въ маѣ 1848 г. Кайдановъ проситъ брата достать ему книгу Консидерана „Destinée sociale", и „кого еще знаешь изъ учениковъ Фурье, напр. Muiron" [1]). Всего болѣе я желалъ-бы имѣть фурьеристовъ, но буду также очень радъ, если ты достанешь мнѣ кого-нибудь изъ другихъ соціалистовъ, напр., Прудона, Луи-Блана. Не худо-бы мнѣ прочесть Saint-Simon. Что-же касается до Кабэ, то пришли мнѣ его только въ томъ случаѣ, если онъ написалъ что-нибудь получше „Voyage en Icarie". Въ іюлѣ того же года онъ увѣдомляетъ, что получилъ книги, „прочиталъ Muiron и началъ читать Прудона". Онъ горячо благодаритъ брата „за насыщеніе хлѣбомъ духовнымъ" его и „*всей здѣшней небольшой паствы*". Просилъ прислать еще сочиненія Консидерана или

---

[1]) Just Muiron, первый послѣдователь Фурье: это былъ молодой французскій чиновникъ, который уже въ 1816 г. сошелся съ Фурье, оказалъ ему матеріальную помощь при напечатаніи его произведеній, а съ 1824 г самъ выступилъ на литературное поприще въ защиту ученія Фурье (Muiron. „Vices de nos procédés industriels", Besancon, 1824). Warschauer „Geschichte des Social. u. Kommunismus in XIX Iahrh", II Abth. См. также замѣтку о немъ Н. В. Водовозова въ словарѣ Брокгауза и Ефрона.

журналъ Phalange; „деньгами", прибавляетъ онъ, „не стѣсняйся: я скорѣе откажусь отъ сапоговъ, нежели отъ книгъ одного изъ апостоловъ Фурье". Въ октябрѣ Кайдановъ пишетъ: „Biedermann'a я прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ, и мнѣ такъ понравился ясный и безпристрастный взглядъ его на соціализмъ и соціальныя теоріи, что я началъ переводить его, чтобы доставить возможность прочитать его и тѣмъ, кто не знаетъ нѣмецкаго языка. За Phalange я не знаю, какъ и благодарить тебя, хотя успѣлъ прочитать только первый livraison, но почти могу составить о ней мнѣніе... Не стану скрывать отъ тебя, что Doherty [1]) мнѣ не нравится. La guerre des paysans" [2]) я прочиталъ съ самымъ живымъ интересомъ. Статья Les trois unités externes—превосходна [3]), Я еще не читалъ Cosmogonie, и, признаюсь, она меня нѣсколько пугаетъ, несмотря на то, что это манускриптъ Фурье [4]). Это не покажется тебѣ страннымъ, потому что ты знаешь, что я, будучи совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фурье, вовсе не считалъ себя обязаннымъ свято вѣрить à toutes les extra vagances de notre maitre. Documents phalansteriens и L'introduction,—вѣроятно, статьи Консидерана, привели меня въ такой восторгъ, что я не могъ ихъ вдругъ прочитать. Нѣсколько разъ я долженъ былъ бросать книгу и по получасу ходить по комнатѣ, чтобы успокоиться отъ волненія и быть въ состояніи опять читать". Наконецъ, въ декабрѣ 1848 г. Кайдановъ, между прочимъ, писалъ: „Вчера я получилъ Phalange, за которую тебѣ и шлю благодарность. Кажется, что этотъ годъ еще лучше 45-го" [5]).

Соціалистическая пропаганда велась и въ Казани. Н. Флеровскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Когда я былъ студентомъ въ казанскомъ университетѣ, къ намъ пріѣхало три человѣка изъ петербургскихъ кружковъ, основанныхъ Петрашевскимъ. Двое изъ нихъ были весьма серьезными людьми и впослѣдствіи сдѣлались извѣстными учеными. Они дѣйствовали такъ же, какъ Петрашевскій: они распространяли ученіе Фурье. И тутъ же результаты были тѣ же, какъ въ Петербургѣ. Въ самомъ скоромъ времени они пріобрѣли въ университетѣ большое

---

[1]) Hugh Doherty, „La question religieuse". „La Phalange" 1845 т. I и слѣд.:

[2]) Статья Alex. Veill'я.

[3]) Изъ рукописей Фурье. Ibid.

[4]) Въ томъ же I т. этого изданія.

[5]) „Общество Пропаганды," 79—82.

ıіяніе. Петербургскіе гости учили насъ самостоятельно заниматься наукой».

Мы указывали выше на сочувствіе соціализму вообще въ особенности фурьеризму членовъ кружка Дурова, хотя и не всѣхъ. «Всѣ мы изучали этихъ соціалистовъ», азсказываетъ А. П. Милюковъ, «но далеко не всѣ вѣрили ъ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Ѳ. М. Достоевскій. Онъ читалъ соціальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически. Соглашаясь, что въ основѣ ихъ ученія была цѣль благородная, онъ, однако-жъ, считалъ ихъ только честными фантазерами. Въ особенности настаивалъ онъ на томъ, что всѣ эти теоріи для насъ не имѣютъ никакого значенія, что мы должны искать источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ соціалистовъ, а въ жизни и вѣковомъ историческомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ общинѣ, артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія сенъ-симонистовъ. Онъ говорилъ, что жизнь въ икарійской коммунѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги [1]).

Впрочемъ, по свидѣтельству И. М. Дебу, и фурьеристы придавали значеніе русской общинѣ, съ которою ихъ познакомилъ нѣмецкій путешественникъ по Россіи бар. Гакстгаузенъ.

Въ тѣсной связи съ увлеченіемъ фурьеризмомъ находилось отрицаніе семьи въ ея современной формѣ, что было однимъ изъ символовъ вѣры этого ученія. Рѣзче всего это отрицаніе было выражено Ханыковымъ въ его рѣчи на обѣдѣ въ память Фурье: «Семья», сказалъ онъ здѣсь, «есть угнетеніе, семья есть деспотизмъ, владычество исключительно привилегированныхъ группъ, нарушенная гармонія страстей... Принципъ нашего ученія есть страсти,

[1]) „Рус. Стар.“ 1881 г., т. XXX, 696—697. Отзывъ Ѳ. М. Достоевскаго о фурьеризмѣ на допросѣ см. въ „Космополисѣ“ 1898 г. № 9, стр. 209—211.

основное (питательное) начало всемірнаго движенія, глаголу и велѣнію которыхъ подчинено все сущее». Д. Д. Ахшарумовъ въ своей рѣчи также утверждалъ, что современное общество—«скопище, разрозненное семействами, которыя вредятъ другъ другу, теряютъ время и силу и обѣдняются въ безполезныхъ трудахъ». Семья считалась помѣхою и для общественной дѣятельности. Такъ, напр., Дуровъ на собраніяхъ у Петрашевскаго доказывалъ, что «родственныя связи опутываютъ человѣка».

Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ мы находимъ вылазки противъ брака въ современномъ цивилизованномъ обществѣ во второмъ выпускѣ «Словаря иностранныхъ словъ» Кириллова.

Такъ какъ «установленіе формы брака», сказано здѣсь, «было болѣе результатомъ столкновенія случайностей общественныхъ, политическихъ и экономическихъ нуждъ извѣстныхъ народовъ и ихъ религіозныхъ предубѣжденій (какъ, напр., у римлянъ, грековъ, евреевъ и т. п), нежели дѣломъ полнаго сознанія истинныхъ потребностей природы человѣческой, то мы находимъ во всѣхъ формахъ брака безъ различія, установленныхъ положительно разными законодательствами, введеніе многихъ постороннихъ элементовъ, ни мало не вытекающихъ изъ сущности самаго брака и дѣлающихъ этотъ священный союзъ любви... тривіальнымъ орудіемъ достиженія разныхъ побочныхъ цѣлей. Такъ что *любовь*—высокое правило, провозглашенное христіанствомъ для междучеловѣческихъ отношеній, а тѣмъ уже болѣе для супружескихъ, является почти совершенно позабытымъ и изгнаннымъ въ настоящихъ брачныхъ отношеніяхъ...бракъ... въ жизни дѣйствительной есть договоръ болѣе соединенія хозяйствъ, чѣмъ святого единенія.. Такъ что мы ни одну изъ положительно существующихъ формъ брака не можемъ почесть удовлетворяющей раціональнымъ требованіямъ природы человѣческой» (стр. 199—200).

Въ статьѣ «Мораль» въ томъ же словарѣ авторъ

юритъ: «Отличительная черта всѣхъ положительныхъ авоученій, преимущественно основывающихся на религіныхъ ученіяхъ, есть односторонность или исключительсть и нетерпимость» (стр. 203). Вѣроятно, въ этомъ ыслѣ говорилъ, по свидѣтельству слѣдственной комис-, на собраніи у Кашкина Европеусъ-старшій «о ненаδности морали, какъ науки, лишенной всякаго значенія настоящее время».

У многихъ петрашевцевъ, какъ то: самого Петрашевиго, Спѣшнева, Ястржембскаго, Толля, Кашкина, Ханыва, Баласогло, Момбелли, Кузмина, Тимковскаго и приѣкавшихся по этому же дѣлу Катенева, Толстова и Ути—было замѣчено отрицательное отношеніе къ религіи; противъ того Достоевскій, а по свидѣтельству его, и ровъ были люди религіозные. Среди нерелигіозныхъ лю- й отрицательное отношеніе къ религіи нерѣдко объяснятся изученіемъ сочиненій Фейербаха. Такъ, напр., учитель Г. Толль, впослѣдствіи извѣстный педагогъ, посѣщавй собранія Петрашевскаго около трехъ лѣтъ, по прось его читалъ на нѣкоторыхъ вечерахъ разсужденіе о проюжденіи религіи, основанное на изученіи произведеній йербаха, Бауера и др. Такъ, напр., 11-го марта 1849 г. ъ говорилъ на собраніи у Петрашевскаго рѣчь на тему: ужна-ли религія въ соціальномъ смыслѣ?» 25 марта Толль кже читалъ разсужденіе о религіи. Чтеніе Толля поропо много жаркихъ преній. Отсутствіе религіознаго чувза обнаружено было и въ найденномъ у Толля его соненіи подъ названіемъ «Историческое разсужденіе о налѣ и развитіи народовъ», въ которомъ онъ сравнивалъ уса Христа съ основателями языческихъ религій. Спѣшвъ читалъ у Петрашевскаго трактатъ объ атеизмѣ; Ясжембскій очень рѣзко отзывался о богословіи. Кашкинъ одномъ изъ своихъ собраній читалъ рѣчь, въ которой рицалъ бытіе Бога на основаніи существованія страданій ловѣчества. Въ заключеніе онъ сказалъ: «Но истина ни слѣпой вѣрѣ, ни въ невѣріи, ни въ томъ, ни въ дру-

томъ метафизическомъ ученіи,—истина въ природѣ. Въ ней высшій разумъ начерталъ волю свою, и изъ природы человѣкъ долженъ перенести ее въ свою жизнь, въ свое общественное устройство. Онъ научился открывать въ естественныхъ наукахъ законы природы, остается примѣнить ихъ къ наукѣ общественной. И когда онъ это сдѣлаетъ, человѣчество будетъ имѣть законъ, счастье и совершенство, пока же онъ не осуществитъ воли высшаго начала, Творца своего, ясно начертанной въ великой книгѣ Природы, будетъ борьба, будетъ мракъ, будетъ несчастіе, царство лжи и зла». Ханыковъ въ рѣчи на обѣдѣ въ память Фурье, между прочимъ, сказалъ: «Преображеніе близко! но не въ вѣрѣ... а въ наукѣ чистой будемъ пріобрѣтать мы бодрость нашихъ страстей на терпѣніе, на дѣло!» Агентъ добылъ отъ Катенева написанную этимъ послѣднимъ тетрадь, заключающую переводъ сочиненія Фейербаха «Религія будущности» [1]) и представилъ ее своему начальству. Катеневъ списалъ эту тетрадь съ экземпляра, даннаго ему Шапошниковымъ, отъ котораго онъ бралъ и сочиненіе Вольтера «Нравственный законъ». Въ бумагахъ Утина былъ найденъ переводъ этого сочиненія Фейербаха.

Студентъ Филипповъ написалъ объясненія 10-ти заповѣдей съ цѣлью провести нѣкоторые либеральные взгляды по крестьянскому вопросу, протестовать противъ войны и проч. [2]) Ѳ. М. Достоевскій и нѣкоторые другіе, напр.,

[1]) „Grundsäfze der Philosophie der Zukunft“ (1843).

[2]) Слѣдственная комиссія обратила особенное вниманіе на толкованія шестой заповѣди, въ которомъ Филипповъ между прочимъ писалъ: „Всѣ вы идете смотрѣть, какъ наказываютъ мужиковъ, что посмѣли ослушаться господина или убили его. Развѣ вы не понимаете, что они исполнили волю Божію и что принимаютъ наказаніе, какъ мученики за своихъ ближнихъ. Развѣ не будете защищаться, коли нападутъ на васъ разбойники, а помѣщикъ, обижающій крестьянъ своихъ не хуже ли онъ разбойника? Не должно быть и войны, ибо всѣ люди по слову евангельскому должны жить какъ братья, и потому начинающій войну дастъ отвѣтъ на судѣ страшномъ, а кто защищается, тотъ

ıтеневъ, высказывали мысль о необходимости пропаган-
среди раскольниковъ.

Петрашевскій въ своихъ письменныхъ показаніяхъ . допросахъ во время слѣдствія предлагалъ «предоставить арообрядцамъ и раскольникамъ свободное публичное от-авленіе ихъ вѣроученія, чрезъ что вольется въ общежи-: русское 700 тыс. народа, отъ него отошедшаго».

Что касается политическихъ взглядовъ петрашевцевъ, нѣкоторые изъ нихъ отрицательно относились къ кон-итуціонализму, и такое мнѣніе поддерживалось, между очимъ, тѣмъ, что при высокомъ избирательномъ цензѣ шь сравнительно незначительное количество гражданъ льзуется политическими правами. Въ бесѣдахъ на соб-ніяхъ Петрашевскаго, Кашкина и др. одни (напр., Мом-лли) прямо высказывались за республику [1]), другіе до-скали, какъ переходную форму, конституціонное прав-ніе, но для фурьеристовъ конечнымъ идеаломъ было со-ршенное исчезновеніе европейскаго государственнаго роя съ его государями, министрами, войскомъ и столи-ми и замѣна его небольшими общинами по планамъ урье. Въ одной изъ рѣчей фурьериста Кашкина нахо-мъ такое мѣсто: «Форма правленія не достаточна, что-ı привести человѣка къ осуществленію стремленія его къ астью». Д. Д. Ахшарумовъ полагалъ, что осуществить аны Фурье возможно при конституціонномъ правленіи; , своей записной книжкѣ онъ писалъ: Для устройства ıланстеровъ по ученію Фурье «самое большое препятствіе... упое, пустое, злое и сильное правительство. Вопросъ

повиненъ въ крови братьевъ. Итакъ, если мы пойдемъ войною на жой народъ,—согрѣшимъ. Но всѣхъ болѣе согрѣшитъ тотъ, кто ачинаетъ войну и ведетъ народъ свой на убійство... Отвѣтитъ и на-ıъ, который пустилъ своихъ братій на убой".

[1]) Точно такъ же Катеневъ, студентъ Толстовъ и Шапошни-ъъ въ бесѣдахъ между собою. Петрашевскій, какъ мы видѣли, вы-ıзался за республику въ своихъ замѣткахъ, набросанныхъ во время › пребыванія въ университетѣ.

приводится къ тому, какимъ образомъ получить правительство, терпящее нововведенія». Монархическое неограниченное правленіе, по мнѣнію Ахшарумова, можетъ не препятствовать желательнымъ реформамъ лишь тогда, «когда будетъ на престолѣ человѣкъ любознательный, благонамѣренный, преданный благу всего человѣчества, но съ... негодными, недовѣрчивыми, всего опасающимися» государями, «съ невѣжествомъ министровъ и всего правительства рѣшительно нѣтъ надежды на такое нововведеніе. Потому намъ нельзя оставить это въ такомъ положеніи. Надо измѣнить правленіе, но осторожно, чтобы не произошелъ слишкомъ сильный безпорядокъ, который бы вовлекъ народъ опять въ старое». Если невозможна республика, то нужно по крайней мѣрѣ ограничить власть монарха. «Надо конституцію, которая дала бы свободу книгопечатанія, открытое судопроизводство, устроила бы особое министерство для разсмотрѣнія новыхъ проектовъ и улучшеній общественной жизни и чтобы не было никакихъ стѣсненій, никакихъ вмѣшательствъ въ дѣла частныхъ людей, въ какомъ бы числѣ они ни сходились вмѣстѣ... Трудно говорить о томъ, какое правленіе въ Россіи скорѣе приведетъ къ цѣли... Стоять... и дожидаться упрямо республиканскаго правленія—значитъ терять время, потому что конституціонное лучше монархическаго неограниченнаго. Пока у насъ нѣтъ человѣка, извѣстнаго всѣмъ, у котораго былъ бы авторитетъ и популярность, то надобно имѣть» монарха, но «предоставить ему самыя ничтожныя преимущества» и объяснить народу, что государь «на все имѣетъ право только съ согласія его самого» (т. е. народа), «такъ, напримѣръ, оставить ему титулъ, голосъ его въ народномъ собраніи считать за нѣсколько голосовъ... и т. п., но чтобы у него не было права ни распускать, ни созывать собраніе, ни назначать время продолженія его, чтобы войско не было въ рукахъ его. Дѣла разсматриваются всѣ въ одной палатѣ, президентъ избирается на короткое время. Потомъ, когда собраніе получитъ довѣренность народа, то можно обой-

ь» и безъ государя.

Здѣсь же онъ разсматривалъ вопросъ, какъ вести пропаганду среди простого народа, въ университетѣ, лицеѣ, училищѣ правовѣдѣнія, кадетскихъ корпусахъ и другихъ бныхъ заведеніяхъ. На собраніяхъ у Петрашевскаго въ утѣ и 1-го апрѣля 1849 г. также обсуждался вопросъ, съ вооружать народъ, служащихъ и проч. противъ чальства [1]).

Въ своемъ показаніи на слѣдствіи Ѳ. М. Достоевскій залъ: «Реформы политической фурьеризмъ не полагаетъ» е. не требуетъ), «его реформа экономическая; она не сягаетъ ни на правительство, ни на собственность, а одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты Викторъ Консеранъ, представитель фурьеристовъ, торжественно отзался отъ всякаго посягательства на фамилію» (т. е. семью). «Наконецъ, эта система—кабинетная и никогне будетъ популярною» (т. е. не распространится въ одѣ?). «Фурьеристы во время всего февральскаго переюта ни разу не вышли на улицу, а остались въ редак- своего журнала, гдѣ они проводятъ свое время уже шкомъ двадцать лѣтъ въ мечтахъ о будущей красотѣ ланстеры». Но Достоевскій не зналъ, или не нашелъ жнымъ объ этомъ заявлять, что послѣ февральской ре-люціи школа фурьеристовъ осудила прежнее равнодуше отношеніе своихъ единомышленниковъ къ поли- кѣ, и въ палатѣ депутатовъ Консидеранъ вмѣстѣ съ 20 цами, раздѣлявшими его взгляды и примкнувшими къ айней лѣвой, энергично защищалъ соціальныя идеи Фуе и интересы рабочихъ. [2])

Въ откровенныхъ бесѣдахъ молодежи и найденныхъ и обыскахъ рукописяхъ не было недостатка въ рѣзкихъ ходкахъ противъ правительства; указывалось и на тя-

---

[1]) Въ этихъ преніяхъ принимали участіе Баласагло, Дуровъ, Кайдановъ, Филипповъ, Берестовъ и друг.

[2]) Warschauer. Geschichte des Socialismus und Communismus im X Iahrhundert", II Abtheilung.

желое положеніе народа. Такъ, напр., Момбелли въ одномъ разсужденіи писалъ: «О, Россіяне! Ради Бога опомнитесь, пока еще не всѣ средства истощены, пока еще можно поправить зло; займы у Гопе и компаніи, сравнительно съ богатствами Россіи, еще не очень значительны, хотя огромны. И теперь еще пробѣгаетъ холодный трепетъ по жиламъ при воспоминаніи о видѣнномъ мною кусочкѣ хлѣба, которымъ питаются крестьяне Витебской губ.: мука вовсе не вошла въ его составъ, онъ состоитъ изъ мякины, соломы и еще какой-то травы, не тяжелѣе пуху, и видомъ похожъ на высушенный конскій навозъ, сильно перемѣшанный съ соломою». Въ другомъ найденномъ у него листкѣ Момбелли, между прочимъ, писалъ: «Въ Россіи десятки милліоновъ страдаютъ, тяготятся жизнью, лишены правъ человѣческихъ или ради плебейскаго происхожденія своего, или ради ничтожности общественнаго положенія, или по недостатку средствъ существованія; за то въ то же время небольшая часть привилегированныхъ счастливцевъ, нахально смѣясь надъ бѣдствіями ближнихъ, истощается въ изобрѣтеніи роскошныхъ проявленій мелочнаго тщеславія и низкаго разврата, прикрытаго утонченною роскошью».

Въ толкованіи 10 ти заповѣдей студ. Филиппова мы находимъ рѣзкій протестъ противъ войны; въ «Солдатской бесѣдѣ» Григорьева яркими красками описывается тяжелое положеніе солдатъ, а въ дневникѣ поручика Момбелли раздаются громкія проклятія военной службѣ, которая «въ самое короткое время разрушаетъ здоровье, останавливаетъ и притупляетъ умственныя способности,—и все переносишь», продолжаетъ Момбелли, «съ совершеннымъ убѣжденіемъ, что тѣмъ не приносишь никому никакой пользы,—ни отечеству, ни человѣчеству, ни ближнимъ; напротивъ, видишь ясно, что службою вредишь себѣ прямо и отечеству—косвенно, потому что содержаніе военныхъ силъ требуетъ огромныхъ суммъ, часть которыхъ могла бы быть употреблена на общественныя пользы».

Въ кружкахъ, гдѣ было такъ много писателей, не могли не раздаваться безпрестанно жалобы на цензуру. Ѳ. М. Достоевскій въ своемъ «показаніи», между прочимъ, писалъ: «Я говорилъ о цензурѣ, объ ея непомѣрной строгости въ наше время... Мнѣ грустно было, что званіе писателя унижено въ наше время какимъ-то темнымъ подозрѣніемъ, и что на писателя уже заранѣе, прежде чѣмъ онъ написалъ что-нибудь, цензура смотритъ какъ будто на какого-то естественнаго врага правительству и принимается разбирать его рукопись уже съ очевиднымъ предубѣжденіемъ. Мнѣ грустно слышать, что запрещается иное произведеніе не потому, чтобы въ немъ нашли что-нибудь либеральное, вольнодумное, противное нравственности, а, напр., потому, что повѣсть или романъ слишкомъ печально кончается, что выставлена слишкомъ мрачная картина, хотя бы эта картина не обвиняла и не заподозривала никого въ обществѣ». Въ подтвержденіе этого Достоевскій ссылался и на отношеніе цензуры къ его собственнымъ произведеніямъ. Слышалось и принципіальное отрицаніе существованія цензуры, которая, по словамъ студента Филиппова на собраніи у Петрашевскаго, «стѣсняетъ свободу и развитіе мысли для того, чтобы народъ не могъ сознательно относиться къ своему положенію». Филипповъ высказывалъ убѣжденіе, что этому надо противодѣйствовать энергическимъ «распространеніемъ идей, которыя могутъ сообщить публикѣ истинный взглядъ на вещи, пробудить въ ней сознаніе настоящаго и желаніе лучшаго въ будущемъ». Во время одного разговора у Петрашевскаго о цензурѣ Дуровъ сказалъ, что «литераторы должны писать такъ, какъ будто бы не было никакой цензуры; тогда, если многое будетъ вымарано, то останется еще кое-что изъ идей автора».

Таковы были идеи, которыя объединяли участниковъ кружковъ Петрашевскаго, Кашкина, Дурова, Плещеева, Момбелли и др. Весьма естественно, что они вездѣ старались распространять свои убѣжденія. Липранди въ своей

запискѣ нарисовалъ фантастическую картину дѣятельной пропаганды, охватившей чуть-ли не всю Россію [1]). Пока онъ утверждалъ, что въ кружкахъ Петрашевцевъ шли разговоры о *желательности* такой повсемѣстной пропаганды, онъ стоялъ на почвѣ фактовъ, но когда онъ хотѣлъ найти въ этихъ кружкахъ, не объединенныхъ общимъ планомъ дѣйствія (по признанію самой слѣдственной коммиссіи), какой-то «заговоръ», охватывающій всю Россію, тутъ начиналась уже область фантазіи [2]). Указывая далѣе на желаніе членовъ «общества» возмущать народъ, Липранди сослался на два случая разговора съ легковыми извозчиками [3]). Для усиленія опасности «заговора» Липранди указывалъ на цѣлый рядъ весьма тревожныхъ симптомовъ въ государствѣ: на записки «вреднаго содержанія», разбрасываемыя въ разныхъ губерніяхъ, на «настоящій заговоръ»

---

[1]) „Наибольшая часть членовъ», пишетъ онъ, „предполагала идти... путемъ *пропаганды*, дѣйствующей на *массы*. Съ этою цѣлью въ собраніяхъ происходили разсужденія о томъ, какъ возбуждать во всѣхъ классахъ народа негодованіе противъ правительства, какъ вооружить крестьянъ противъ помѣщиковъ, чиновниковъ противъ начальниковъ, какъ пользоваться фанатизмомъ раскольниковъ, а въ прочихъ сословіяхъ подрывать и разрушать всякія религіозныя чувства, которыя они сами изъ себя уже совершенно изгнали, проповѣдуя, что религія препятствуетъ развитію человѣческаго ума, а потому и счастья; тутъ же было разсуждаемо о частныхъ особыхъ мѣрахъ: какъ дѣйствовать *на Кавказѣ, въ Сибири, въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, въ Польшѣ, въ Малороссіи* (гдѣ умы предполагались находящимися уже въ броженіи отъ сѣмянъ, брошенныхъ сочиненіями *Шевченки*, и т. д.)".

[2]) „Изъ всего этого я извлекъ убѣжденіе", продолжалъ Липранди, что тутъ былъ не столько мелкій и отдѣльный заговоръ, сколько *всеобъемлющій планъ общаго движенія, переворота и разрушенія* (?!). Для приведенія въ дѣйствіе этого плана, очевидно, нужны были пружины расположенныя повсемѣстно, и я имѣлъ всѣ причины предполагать (?), что всѣ пружины уже устраиваются, а можетъ быть, отчасти и устроены". Курсивъ принадлежитъ Липранди.

[3]) Въ одномъ изъ нихъ учитель Ястржембскій совѣтовалъ не платить господамъ оброка, а если будутъ требовать его, то „давать имъ колотушку". При этомъ извозчикъ сказалъ: „хотѣли было насъ освободить, да государь не захотѣлъ".

въ Вильнѣ, Минскѣ и Лидѣ, «имѣющій связь, по сознанію нѣкоторыхъ лицъ, съ заграничными злоумышленниками», въ которомъ участвовали «дворяне, мѣщане, ремесленники, солдаты, преимущественно-же—учителя, студенты и ученики разныхъ званій, изъ которыхъ множество подвергнуто аресту, и слѣдствіе дѣятельно продолжается». Далѣе, онъ обращалъ вниманіе правительства на то, что становятся чаще убійства помѣщиковъ и неповиновенія крестьянъ, увеличивается число дворовыхъ, посылаемыхъ помѣщиками въ съѣзжіе дома для наказанія за грубость и неповиновеніе, усиливаются пожары и поджоги, наконецъ, указывалъ на «почти поголовное движеніе всей Витебской губерніи къ Петербургу» въ 1847 г. [1]), а также одновременныя движенія въ губерніяхъ—Воронежской, Курской и Саратовской. Все это, по мнѣнію Липранди, «не могло происходить безъ *двигателя*, достигающаго, хотя и различными путями, но до одной цѣли, до одного результата—безпорядка, анархіи». До анархіи дѣло не доходило, что-же касается единаго двигателя всѣхъ указанныхъ явленій, очевидно, не имѣющихъ никакой связи съ кружками петрашевцевъ, то Липранди, какъ человѣкъ очень умный, безъ сомнѣнія понималъ, но только не считалъ для себя выгоднымъ высказать, что такимъ двигателемъ было тяжелое положеніе народа и недовольство извѣстныхъ слоевъ общества тогдашними порядками.

Не случайнымъ казался Липранди и самый составъ общества [2]). Мы уже говорили о томъ, что составъ круж-

---

[1]) Дѣйствительною причиною движенія въ Витебской губ. было то что помѣщики не кормили своихъ голодающихъ крестьянъ. Число всѣхъ волновавшихся было около 10.000. См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ", II, 600—604 и „Рус. Стар." 1892 г. № 7, стр. 3—5.

[2]) „Безъ сомнѣнія", увѣрялъ онъ, „не для чего иного, какъ съ цѣлью произвесть всеобщее, повсемѣстное движеніе, тутъ были вмѣстѣ люди не только разныхъ вѣдомствъ и званій по службѣ, но и не служащіе изъ всѣхъ сословій: дворяне, купцы и даже мѣщане. Обыкновенно заговоры бываютъ большею частью изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенію. На

ковъ петрашевцевъ былъ болѣе демократическій, чѣмъ тайныхъ обществъ двадцатыхъ годовъ, но утвержденіе Липранди, что кружки петрашевцевъ состояли изъ людей, не близкихъ другъ другу,—совершенно не основательно. Если не имѣть въ виду нѣкоторыхъ случайныхъ посѣтителей собраній Петрашевскаго и исключить мѣщанина Шапошникова, на котораго намекаетъ Липранди, студента Толстова и сына почетнаго гражданина Катенева, составляющихъ совершенно особую группу, довольно искусственно притянутую къ дѣлу петрашевцевъ и арестованную по доносу особаго агента за ихъ неосторожные разговоры, то всѣ остальные были людьми болѣе или менѣе близкими: это были или писатели прогрессивнаго лагеря, участвующіе въ однихъ и тѣхъ же журналахъ, или товарищи по университету и лицею, или педагоги, которыхъ сближали ихъ преподавательская дѣятельность и общее стремленіе развивать юношество въ духѣ симпатичныхъ имъ идей.

На этотъ послѣдній разрядъ привлеченныхъ къ дѣлу обратилъ особенное вниманіе Липранди въ своей запискѣ, такъ какъ предсѣдатель коммиссіи для разбора бумагъ арестованныхъ, статсъ-секретарь кн. А. Ѳ. Голицынъ, поручилъ ему, какъ члену комиссіи, ознакомиться съ учебными тетрадями, лекціями и литографированными курсами. Липранди указываетъ, напримѣръ, на классныя сочиненія Порф. Ламанскаго (1841—42 г.), на тему о римской республикѣ и Александрѣ Невскомъ [1]).

примѣръ, въ заговорѣ 1825 г. участвовали исключительно дворяне и притомъ преимущественно военные. Тутъ-же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ рядомъ находятся неокончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ. Очевидно, казалось мнѣ", продолжаетъ Липранди, «что сѣть была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселеніе и, слѣдовательно, чтобы дѣйствовать не на одномъ мѣстѣ, а повсюдно".

[1]) Въ этомъ послѣднемъ было, напр., слѣдующее мѣсто: указывая на пагубныя послѣдствія татарскаго ига, составитель сочиненія пи-

Въ одномъ литографированномъ курсѣ, найденномъ въ бумагахъ Бѣлецкаго, Липранди отмѣтилъ слѣдующій отзывъ о республиканскомъ правленіи: «При всѣхъ своихъ недостаткахъ и несовершенствахъ» («а объ нихъ ни слова», язвительно замѣчаетъ Липранди), «республика имѣетъ то особенное свойство, что, несмотря на отсутствіе силы управляющей въ одномъ недѣлимомъ лицѣ, она обладаетъ великою нравственною силою, потому что въ ней *всякій гражданинъ имѣетъ право участвовать въ государственномъ правленіи* и, слѣдовательно, долженъ получить образованіе, достойное этого участія. Оттого республиканское правленіе въ особенности пробуждаетъ страсть къ дѣламъ политическимъ и къ ораторству; здѣсь каждый желаетъ быть первымъ и стремится отличиться чѣмъ-нибудь. *Самыя даже безпрерывныя возмущенія и междуусобныя войны, неразлучныя съ этимъ образомъ правленія, способствуютъ быстрому развитію духа»* [1].

Липранди указывалъ также на найденное въ бумагахъ одного арестованнаго упоминаніе о женскихъ литературныхъ обществахъ. Онъ имѣетъ въ виду рѣчь Серебря-

салъ: „Деспотизмъ глубоко пустилъ свои корни, и униженное рабство надолго осталось въ народѣ. Князья, по сверженіи татарскаго ига, увидѣли для себя выгоду власти деспотической, и съ тѣхъ поръ являются притѣснителями народа, сохранившаго еще благородныя чувства подъ грубою корою рабства, оставшагося на немъ со времени ига; народъ еще не могъ опомниться отъ бѣдствій и не смѣлъ думать объ улучшеніи своего состоянія, а ждалъ этого отъ князей, которые совершенно не заботились о своихъ подданныхъ". Болѣе видные педагоги-петрашевцы были, во-первыхъ,—Ястржембскій—помощникъ инспектора классовъ и преподаватель въ Технологическомъ Институтѣ, преподаватель въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, корпусѣ Путей Сообщенія и Дворянскомъ полку; онъ читалъ статистику и начатки политической экономіи (см. благодарное воспоминаніе о немъ М. И. Венюкова въ „Русск. Стар." 1890 г., № 4, стр. 245), и, во-вторыхъ, Толль, преподаватель русской словесности въ Главномъ Инженерномъ училищѣ и исторіи—въ школѣ кантонистовъ.

[1]) Курсивъ Липранди. Въ другомъ литографированномъ курсѣ (найденномъ въ бумагахъ Филиппова). авторъ изъ исторіи французской

кова, читанную имъ 5 марта 1848 г. при открытіи перваго дамскаго литературнаго общества на Петербургской сторонѣ. Желаніе Толля и Петрашевскаго ввести на собранія у послѣдняго нѣсколькихъ «умныхъ женщинъ», чрезъ которыхъ «идеи скорѣй расходятся» и усваиваются, осуществлено не было. [1]).

Такова картина пропаганды, охватившей, по мнѣнію Липранди, всю Россію. Въ дѣйствительности-же, кромѣ описанныхъ кружковъ Петрашевскаго, Кашкина, Дурова и др. и желанія педагоговъ вліять на учениковъ соотвѣтственно своимъ убѣжденіямъ, сѣть пропаганды, будто-бы распространенной по всей Россіи, сводилась, въ сущности, къ попыткамъ нѣсколькихъ лицъ проводить соціалистическіе взгляды въ провинціи: Тимковскаго, который устроилъ [2]) въ Ревелѣ два кружка для изученія соціализма, Кайданова въ Ростовѣ и трехъ лицъ въ Казани. Липранди называетъ еще: 1) Кузмина въ Тамбовѣ, который, однако, не былъ убѣжденнымъ фурьеристомъ, и слѣдовъ энергической пропаганды котораго вообще не обнаружено, чѣмъ и объясняется, что онъ былъ освобожденъ изъ крѣпости безъ наказанія; 2) Черносвитова въ Сибири, который занимался тамъ, кажется, болѣе золотопромышленностью и лишь въ Петербургѣ, очевидно совершенно случайно, впутался въ дѣло петрашевцевъ, судя по тому, что въ началѣ 40-хъ гг. онъ былъ усерднымъ

революціи „выводитъ заключеніе, что „государственная система, основанная на политическомъ эгоизмѣ, не можетъ быть твердою, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ все полагается на войско—непрочно, потому что, разъ войско разбито—все пропало". Въ лекціяхъ законовѣдѣнія, найденныхъ у Пальма, Липранди отмѣтилъ слѣдующее мѣсто: „Равенство людей есть слѣдствіе единства человѣческаго рода". „Рус. Стар. 1872, т. VI. Кн. Н. С. Голицынъ, бывшій тогда директоромъ училища правовѣдѣнія, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ старшемъ классѣ 1848—49 учебнаго года „наполовину были неблагонадежные молодые люди и въ религіозномъ, и въ политическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ (даже нигилисты)". „Рус. Стар." 1890 г., т. 68, стр. 376.

1) Записка Липранди нап. въ „Рус. Стар." 1872, т. VI, 75—83.

2) При участіи Беклемишева.

исправникомъ на Уралѣ [1]), и 3) А. Н. Плещеева въ Москвѣ, который вращался въ тамошнихъ литературныхъ кружкахъ, нашелъ людей «сочувствующихъ», какъ онъ писалъ Дурову, «нашимъ мыслямъ о способахъ дѣятельности», но также ничѣмъ не обнаружилъ особеннаго пропагандистскаго усердія. Къ названнымъ лицамъ Липранди нашелъ возможнымъ причислить еще лишь одно имя, да и то съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: Аристова въ Костромѣ.

IV.

Какъ уже было замѣчено выше, однимъ изъ самыхъ радикальныхъ членовъ кружковъ Петрашевцевъ былъ Н. А. Спѣшневъ, проведшій за границей четыре года (1842—46 г.). Въ это время онъ, между прочимъ, занимался исторіею тайныхъ обществъ и, по его показанію, составилъ проектъ подписки, который былъ найденъ въ его бумагахъ въ неоконченномъ видѣ [2]). Вотъ эта подписка:

---

[1]) Черносвитовъ съ 1838 по 1842 г. былъ исправникомъ на границѣ Пермской губ. съ Сибирью и во время бунта въ Шадринскомъ уѣздѣ, вызваннаго слухами объ обращеніи государственныхъ крестьянъ въ собственность министра государственныхъ имуществъ Киселева (такъ наз. картофельнаго бунта) дѣйствовалъ, по оффиціальной аттестаціи, „съ примѣрнымъ благоразуміемъ"; на мѣстѣ о немъ отзывались, какъ объ „отлично распорядительномъ исправникѣ".

[2]) Ратчъ въ своей книгѣ о польскомъ вопросѣ утверждаетъ будто-бы польки-патріотки изъ семейства Цѣхановецкихъ увлекли Спѣшнева за границу, чтобы сдѣлать его сторонникомъ своего дѣла (особенно указываетъ онъ на Изабеллу Цѣхановецкую, урожденную Кобылинскую). Если вѣрить Ратчу, Спѣшневъ „привезъ въ Россію статуты польской революціонной организаціи". Онъ увѣряетъ, что „въ заговорѣ петрашевцевъ роль поляковъ обнаружилась яснѣе". (Ratch. „La question polonaise dans la Russie occidentale. Materiaux pour servir à l'histoire de l'insurrection de 1863". P. 1868, p. 103). Но слѣдственная коммиссія по дѣлу петрашевцевъ не обнаружила никакихъ слѣдовъ польскихъ революціонныхъ вліяній, да и вообще на первомъ мѣстѣ въ кружкѣ петрашевцевъ стояли вопросы не національные, а соціальные. Ястржембскій на одномъ изъ собраній у Петрашевскаго сказалъ: „я полякъ душой и тѣломъ, за свободу Польши готовъ позволить выпустить себѣ всю кровь по каплѣ, но если бы былъ увѣренъ, что самостоятельность

«Я, нижеподписавшійся, добровольно, по здравомъ размышленіи и по собственному желанію, поступаю въ Русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности, которыя въ точности исполнять буду: 1) когда распорядительный Комитетъ общества, сообразивъ силы общества, обстоятельства и представляющійся случай, рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участіе въ возстаніи и дракѣ, печатавъ оное его письменное обязательство, передаю его своему афильятору для доставленія въ комитетъ, тотъ своему и т. д. Для сего я и переписываю для себя одинъ экземпляръ сихъ условій и храню его у себя, какъ форму для афильяціи другихъ» [1]).

Слѣдственная комиссія, въ виду важности этого документа, употребила всѣ усилія, чтобы побудить Спѣшнева дать относительно него откровенное показаніе [2]). Но онъ, несмотря на всѣ настоятельные допросы, положительно утверждалъ, что никакого Русскаго тайнаго общества никогда не существовало, и что подписка, найденная въ его бумагахъ,—лишь проектъ, который написанъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, «давно имъ забытъ и никому не былъ показанъ, что, проведя нѣкоторое время за границей и возвратясь затѣмъ въ Россію, проникнутый коммунистскими идеями», онъ, хотя и мечталъ о способахъ «въ томъ-же духѣ, произвести переворотъ въ нашемъ общественномъ бытѣ, однако жъ все это было только предметомъ его разсужденій безъ примѣненія къ дѣлу».

Слѣдственная комиссія допрашивала по этому поводу всѣхъ арестованныхъ, бывшихъ въ сношеніяхъ со Спѣшневымъ, однако всѣ единогласно показали, что никто изъ

Польши вредна развитію общечеловѣческой идеи, то первый однимъ взмахомъ топора отрубилъ бы ей голову".

[1]) Слѣдующій затѣмъ пунктъ, обозначенный цифрою 4, написанъ небылъ.

[2]) Съ этою цѣлью комиссія уже испрашивала разрѣшенія наложить на него оковы „Русск. Стар." 1905 г. № 2, стр. 313.

нихъ этой подписки не видѣлъ, и ни у кого въ бумагахъ копіи съ нея не оказалось.

Комиссія все не убѣждалась въ правдивосуи показанія Спѣшнева и требовала откровеннаго признанія. Тогда, вѣроятн,о полагая, какъ, и нѣкоторые другіе петрашевцы, что если онъ откровенно покается рѣшительно во всемъ, даже и въ томъ, что еще неизвѣстно комиссіи, то будетъ видно, какъ въ сущности, невелики ихъ вины сравнительно съ тѣмъ, въ чемъ ихъ подозрѣваютъ. Спѣшневъ, «въ доказательство искренности своего показанія», добровольно вызвался раскрыть два неосуществленныхъ замысла, въ которыхъ онъ участвовалъ и которые не имѣли, однако, никакой связи съ приведенною выше подпискою.

Относительно перваго замысла Спѣшневъ показалъ, что въ концѣ 1848 г. на собраніяхъ у Петрашевскаго появился отставной офицеръ Черносвитовъ, «человѣкъ, одаренный умомъ, познаніями и краснорѣчіемъ» [1]) Онъ разсказывалъ, что Восточная Сибирь, гдѣ онъ постоянно живетъ, «совсѣмъ отдѣльная страна отъ Россіи, богатая, прекрасная, которой вѣрно когда-нибудь суждено быть отдѣльной имперіей, при чемъ звалъ всѣхъ въ Сибирь», говоря, что «это славная страна и что люди тамъ славные» [2]), и разсказывалъ о бунтѣ, бывшемъ въ 1841 г. въ Пермской и Оренбугской губерніяхъ. На Спѣшнева, много думавшаго о тайныхъ обществахъ, Черносвитовъ произвелъ такое впечатлѣніе, что онъ или эмиссаръ, или глава какого-нибудь тайнаго общества въ Сибири. Подстрекаемый любопытствомъ, Спѣшневъ въ слѣдующую пятницу хотѣлъ было сблизиться съ Черносвитовымъ, но случая не представилось,

---

[1]) Черносвитова ввелъ въ домъ Петрашевскаго студентъ „купеческій сынъ“ Латкинъ, вѣроятно извѣстный впослѣдствіи золотопромышленникъ. Черносвитовъ занимался „порученіями частныхъ компаній на золотыхъ пріискахъ“. „Русск. Стар.“ 1905 г. № 2, стр. 319, 322.

[2]) Черносвитовъ въ своемъ показаніи заявилъ, что онъ дѣйствительно часто называлъ Сибирь Америкою, Калифорніею, русскою Мексикою и проч., и, „увлекаясь иногда въ сужденіяхъ о будущности Сибири, не разъ называлъ ее великою имперіей“.

и онъ успѣлъ перекинуться съ нимъ лишь нѣсколькими словами.

Но по разъѣздѣ гостей Петрашевскій свелъ Черносвитова со Спѣшневымъ, и первый сталъ наводить ихъ на мысль, что въ Россіи существуетъ тайное общество, и доказывалъ это пожарами въ 1848 г. и происшествіями въ низовыхъ губерніяхъ [1]). Петрашевскій его поддерживалъ, однако-жъ разговоръ не вязался, и Спѣшневъ поѣхалъ домой вмѣстѣ съ Черносвитовымъ. Дорогою Черносвитовъ спросилъ Спѣшнева:

— Какая, по его мнѣнію, была-бы теперь самая полезная реформа въ Россіи?

— Реформа крѣпостного состоянія,—отвѣчалъ Спѣшневъ.

— И я такъ думаю,—согласился Черносвитовъ.

Дня черезъ два послѣ этого Спѣшневъ заѣхалъ навѣстить заболѣвшаго Черносвитова и по его просьбѣ излагалъ ему свои мнѣнія о фурьеризмѣ, а Черносвитовъ вскорѣ послѣ того отдалъ ему визитъ и началъ, между прочимъ, намекать на готовность быть откровеннымъ, если и его собесѣдникъ будетъ говорить откровенно. Когда Спѣшневъ изъявилъ на это готовность и притворно намекнулъ, что и онъ кое-что знаетъ, то Черносвитовъ просилъ его послать за Петрашевскимъ, и самъ написалъ и отправилъ къ нему пригласительную записку. Затѣмъ Черносвитовъ сталъ допытываться, гдѣ есть Общество,—здѣсь или въ Москвѣ, и когда Спѣшневъ сказалъ: «разумѣется, въ Москвѣ», то онъ выразилъ сомнѣніе относительно существованія тамъ тайнаго общества, но прибавилъ: «а впрочемъ, можетъ быть». Затѣмъ Черносвитовъ сталъ разспрашивать о планѣ дѣйствія.

— Плана, собственно, еще нѣтъ: онъ зависитъ отъ случая,—отвѣчалъ Спѣшневъ.—Вотъ теперь на Волыни не такъ смирно.

---

[1]) Выше приведено было упоминаніе Липранди о волненіи въ Саратовской губерніи.

— Возстанія должно ожидать не на Волыни,—замѣ-ıъ Черносвитовъ:—тамъ войска много, развѣ будетъ 'раничная война, а на Пермскихъ заводахъ, гдѣ 400 т. ›ода, оружіе подъ рукою, и все только и ждетъ первой ıышки.

И Черносвитовъ сталъ излагать планъ возстанія въ :точной Сибири и на Уралѣ. По его мнѣнію, было не-кодимо, чтобы сначала загорѣлось возстаніе въ Восточ-і Сибири; туда пошлютъ корпусъ, но едва онъ перейдетъ алъ, какъ поднимется все уральское населеніе, и тогда ь корпусъ останется въ Сибири. Тогда съ 400 т. завод-ıхъ крестьянъ можно будетъ кинуться на низовыя гу-›ніи и землю Донскихъ казаковъ [1]). На усмиреніе этого ıстанія потребуются всѣ войска, если же къ этому при-:динится бунтъ въ Петербургѣ и Москвѣ, то и все кон-ıо: революціонная партія выиграла. На всѣ приготовле-къ возстанію нужно было, по мнѣнію Черносвитова, крайней мѣрѣ, годъ, но, «впрочемъ, можно въ тепе-шнемъ положеніи попридержать это еще лѣтъ 5—6».

Замѣтивъ, что у Спѣшнева много прислуги, Черно-ıтовъ не сталъ ждать Петрашевскаго, а просилъ его ѣстѣ съ Петрашевскимъ пріѣхать къ нему. По приходѣ трашевскаго Спѣшневъ тотчасъ отправился съ нимъ къ рносвитову и по дорогѣ сказалъ:

— Только я буду представляться, что я глава цѣлой ртіи; пожалуйста, и ты сдѣлай то же, а то онъ ничего скажетъ.

Петрашевскій нѣсколько съ сердцемъ отвѣчалъ:

— Ну, на что это?—и всю дорогу молчалъ.

Когда они пришли къ Черносвитову, тотъ усадилъ ъ и сказалъ:

— Ну, господа, теперь надо вести дѣло на чистоту!

— Ну да,—сказалъ Петрашевскій и, круто обратив-

[1]) Спѣшневъ, по показанію Черносвитова, назвалъ это „Пугачев-ımъ путемъ". Черносвитовъ надѣялся также повліять и на расколь-ковъ.

шись къ Спѣшневу, прибавилъ:—вотъ не угодно ли вамъ, напр., сказать, какіе и гдѣ вы видите способы къ возстанію?

— По моему мнѣнію,—отвѣчалъ Спѣшневъ,—всего одинъ вопросъ въ Россіи представитъ поводъ къ народному возстанію, именно крѣпостной вопросъ.

Тогда Петрашевскій сталъ настаивать, чтобы онъ объяснилъ, гдѣ и какъ можетъ произойти возстаніе?

— Черносвитовъ часъ или полтора тому назадъ говорилъ мнѣ,—отвѣчалъ Спѣшневъ,—что у него весь Уралъ подъ рукою: 400 т. народу—это сила страшная.

— Все то, что говоритъ Черносвитовъ, относится лишь до него одного,—замѣтилъ Петрашевскій.

Тогда Черносвитовъ, обращаясь къ Спѣшневу, сказалъ:

— Вѣдь вы мнѣ говорили про Москву?

Петрашевскій, зная, что Спѣшневъ сказалъ неправду, сталъ ясно намекать на это:

— Разумѣется, можно строить химеры,—сказалъ онъ,—но нужно говорить серьезно.

— Не существуетъ ли чего въ гвардіи?—спросилъ Черносвитовъ, и когда ему отвѣчали отрицательно, прибавилъ:—а это было бы очень важно!

Тогда Петрашевскій сталъ говорить вообще противъ бунта и возстаній черни, развивалъ фурьеристскія воззрѣнія и въ заключеніе сказалъ, что онъ надѣется видѣть на своемъ вѣку фаланстеръ и жить въ немъ [1]). Спѣшневъ послѣ этого уѣхалъ.

Разсказавъ все это въ своемъ показаніи, Спѣшневъ прибавилъ, что его отвѣты Черносвитову «не имѣли никакого основанія, а клонились только къ тому, чтобы раз-

[1]) Черносвитовъ въ своемъ показаніи подтвердилъ, что между Петрашевскимъ и Спѣшневымъ произошелъ споръ. Послѣдній полагалъ, что для улучшенія настоящаго положенія Россіи долженъ произойти насильственный переворотъ, а Петрашевскій утверждалъ, что этого можно достигнуть легальнымъ путемъ, благоразумно улучшая и направляя законы.

вѣдать его мысли», и что послѣ ихъ послѣдняго разговора втроемъ онъ совершенно съ нимъ разстался.

Петрашевскій съ своей стороны подтвердилъ показаніе Спѣшнева и добавилъ, что во время послѣдняго разговора Черносвитовъ, между прочимъ, сказалъ: «надобно всѣхъ запереть и разомъ схватить». На вопросъ комиссіи о значеніи этихъ словъ Петрашевскій отвѣчалъ, что смыслъ ихъ понятенъ, и что, конечно, они не могутъ не относиться «къ высшему правительству безъ исключенія». Въ другой разъ Петрашевскій заявилъ, что Черносвитовъ «неоднократно внушалъ ему мысль о цареубійствѣ, разсказывалъ, что онъ членъ какого-то тайнаго общества въ высшемъ аристократическомъ кругу». Нужно замѣтить, что Петрашевскій во время заключенія въ крѣпости страдалъ психическою болѣзнью [1]). Черносвитовъ, вслѣдствіе показанія Спѣшнева, былъ арестованъ близъ Омска и привезенъ въ Петербургъ.

Такъ какъ Черносвитовъ отрицалъ справедливость показанія Спѣшнева, а также и заявленій Петрашевскаго, то ему была дана очная ставка со Спѣшневымъ, который, однако, подтвердилъ свое показаніе, пояснивъ только, что «Черносвитовъ никогда не приглашалъ его приступать къ дѣйствію по изложенному имъ плану, а разсказывалъ это единственно, какъ возможность». Что касается очной ставки съ Петрашевскимъ, то, въ виду того, что онъ недавно подвергался разстройству умственныхъ способностей, слѣдственная комиссія сочла нужнымъ прежде узнать, въ какомъ положеніи онъ находится, и вызвала его въ свое присутствіе. «Сдѣлавъ ему нужные разспросы, коммиссія убѣдилась, что Петрашевскій и нынѣ еще находится подъ вліяніемъ нервнаго разстройства, и по раздражительности своего характера не только не можетъ быть употребленъ для сдѣланія уликъ Черносвитову, но еще, по извѣстному его упорству, скорѣе затмитъ съ умысломъ сдѣланныя по

---

[1]) „Рус. Стар." 1905 г. № 2, стр. 331. 333—334.

настоящее время открытія, а потому комиссія опредѣлила: очной ставки Петрашевскому съ Черносвитовымъ не дѣлать [1]).

Разсказы Черносвитова о возможности возстанія въ Сибири и на Уралѣ заставили правительства сдѣлать запросъ о томъ генералъ-губернатору Западной Сибири кн. Горчакову. Но онъ отвѣчалъ, что не находитъ никакого повода опасаться нарушенія спокойствія и общественнаго порядка въ этой части Сибири.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 23-го сентября 1849 г. по поводу секретнаго письма кн. Горчакова и отвѣта на предписаніе военнаго министра о принятіи мѣръ предосторожности въ Западной Сибири было сказано:

„Предположеніе о возможности возбудить мятежъ въ Западной Сибири съ цѣлью разлить оный по внутреннимъ губерніямъ кн. Горчаковъ считаетъ неудобоисполнимымъ. Онъ ручается за сохраненіе въ Западной Сибири *общаго* спокойствія, если только измѣненіемъ быта тамошнихъ жителей не будетъ подано повода къ превратнымъ толкамъ, могущимъ возбудить ихъ сомнѣніе. Увѣренность въ удержаніи общаго порядка въ Западной Сибири онъ основываетъ не на самонадѣянности на свое управленіе и не на надежности мѣстныхъ способовъ укрощенія, въ сущности, далеко недостаточныхъ, а на 14-ти-лѣтнемъ изученіи быта и нравовъ народонаселенія, нисколько не отягощающагося не токмо требованіями правительства, но даже и тѣми болѣе или менѣе добровольными дарами, которые часто подносятся второстепеннымъ властямъ. Это вошло въ обыкновеніе и рѣдко о какомъ либо поборѣ доводятся жалобы, не взирая на извѣстную его, кн. Горчакова, строгость въ преслѣдованіи взяточниковъ.

„Конечно, отдаленность Зауральскаго края, недостатокъ въ немъ, соразмѣрно пространству, полицейскаго надзора и, можетъ быть, надежда на бездѣйствіе войскъ, составленныхъ изъ туземцевъ и людей сблизившихся съ ними, могли-бы подать мысль о начатіи мятежа въ Сибири; но планъ этотъ, при здравомъ разборѣ, болѣе заманчивъ, чѣмъ удобоисполнимъ. Благодаря Бога и мудрости правительства, масса народа въ Россіи не доведена еще до степени того образованія, коему Европа обязана нынѣ своими смутами; у насъ не предоставлено еще толпѣ полуграмотныхъ пролетаріевъ, составляющихъ собою подвижной

[1]) Въ крѣпости началась также душевная болѣзнь Григорьева сошелъ съ ума Катеневъ и временно былъ боленъ психически К. М. Дебу.

цехъ революціонеровъ, публично проповѣдывать самыя пагубныя бредни и гласно склонять народъ къ ниспроверженію порядка. Чтобы возмутить нашего поселянина нужны не политическія сказки, а двигатель болѣе ему близкій и непосредственно до его благосостоянія касающійся. Но чего же недостаетъ у сибиряка? Свободы? онъ пользуется ею даже съ излишествомъ.—Благосостоянія? онъ имъ обладаетъ вполнѣ и вообще доволенъ своимъ бытомъ".

По этимъ причинамъ кн. Горчаковъ просилъ отложить до болѣе удобнаго времени „всякое нововведеніе, какъ-бы оно полезно ни было, дабы не возродить толковъ, могущихъ иногда принять направленіе вредное..." [1]).

Выразивъ увѣренность, „что проповѣдованіе соціализма не поколеблетъ вѣрности сибиряковъ къ Государю, и что населеніе зажиточное не легко склонится къ теоріи, уничтожающей собственность (?), кн. Горчаковъ разсматриваетъ возможность произвести мятежъ въ Сибири другимъ двигателемъ, болѣе для нея заманчивымъ, а именно о возможности отложиться отъ Россіи.

„Безспорно, что сибиряки гордятся своей родиной, къ коей привязаны болѣе внутреннихъ обывателей, что они съ излишествомъ цѣнятъ ея изобиліе, удобства, наконецъ, что возникаетъ уже классъ, взирающій не совсѣмъ равнодушно на пользы, извлекаемыя имперіею отъ сибирской торговли, отъ тамошнихъ произведеній и въ особенности отъ золота, сокровищъ, составляющихъ, яко-бы, частную собственность Сибири,—коснувшись сей струны, можно скорѣй найти отголосокъ въ сердцѣ сибиряка и, можетъ быть, возбудить желаніе къ составленію независимаго владѣнія; но и это направленіе *молодой только части* не представляетъ еще существенной опасности. Для подобнаго предпріятія нужны способы, коихъ въ Сибири не имѣется, а еще болѣе непосредственныя сношенія съ чужестранцами, которые могли-бы за золото доставить мятежникамъ оружіе, снаряды и товары для житейскихъ потребностей. Сіи послѣдніе, при недостаткѣ въ Сибири фабрикъ, получаются изъ Россіи и уже сдѣлались для зажиточныхъ сибиряковъ необходимостью.—Къ счастью, географическое положеніе края противится сему предпріятію, и Сибирь недоступна иноземцамъ".

Оренбургскій военный губернаторъ, генералъ Обручевъ, также извѣстилъ, что «къ нему не поступало отъ мѣстныхъ начальниковъ никакихъ донесеній о неблагонамѣренныхъ толкахъ во ввѣренномъ ему краѣ», и что въ

---

[1]) По сообщенію кн. Горчакова, «сибиряки, въ особенности чуждаются управленія Государственныхъ Имуществъ и опасаются учрежденія вольныхъ почтъ».

послѣднее время онъ «проѣзжалъ большое пространс Оренбургскаго края и самый Уралъ по двумъ напраі ніямъ, гдѣ находятся заводы съ значительнымъ насе ніемъ, и вездѣ видѣлъ одно спокойствіе, жители за маются своими обычными работами, и нигдѣ не было п носимо жалобъ». Тѣмъ не менѣе для предосторожно Обручевъ приказалъ мѣстному начальству еженедѣлі представлять ему донесеніе о всѣхъ пріѣзжающихъ цахъ.

Относительно «второго замысла» Спѣшневъ показа что вскорѣ послѣ разговора съ Черносвитовымъ, декабрѣ 1848 г., одинъ изъ посѣтителей Петрашевскѵ поручикъ Момбелли, предложилъ Петрашевскому и е Спѣшневу, составить товарищество для взаимнаго подд жанія другъ друга [1]). Петрашевскій согласился на эт предложилъ съ своей стороны въ члены товарищес Конст. М. Дебу, а Момбелли—штабсъ-капит. Ѳ. Львова черезъ нѣсколько времени всѣ они собрались у Спѣш ва. Здѣсь Момбелли, развивая свою мысль и указы на выгоды такой солидарности или товарищества, пред галъ составить капиталъ посредствомъ вкладовъ; счи ихъ нужными и для опредѣленія числа членовъ, котор согласились бы поступить въ товарищество. Кассу онъ по галъ ввѣрить комитету, составленному изъ пяти осно телей общества, въ которое онъ «думалъ принимать ціалистовъ вообще и людей передовыхъ мнѣній» [2]). По

---

[1]) На допросахъ выяснилось, что Момбелли сообщилъ о сво проектѣ прежде всего Львову, потомъ Петрашевскому, а по жела послѣдняго и Спѣшневу. Изъ этого видно, что Петрашевскій признав способности Спѣшнева и желалъ работать съ нимъ сообща.

[2]) На допросахъ другіе присутствовавшіе назвали его обществ «изъ людей передовыхъ мнѣній и прогрессистовъ, которые могли двинуть гражданскій бытъ впередъ на новыхъ началахъ». Момбе предлагалъ критиковать мѣры правительства и указывать на засл членовъ общества, какъ литераторовъ, такъ и другихъ. Изъ собран го капитала Момбелли предлагалъ оказывать помощь пострадавш членамъ.

этого Спѣшневъ набросалъ планъ тайнаго общества, главныя основанія котораго состояли въ слѣдующемъ: «Есть три внѣправительственные пути дѣйствія: іезуитскій, пропагандный и возстанія; каждый изъ нихъ не вѣренъ и оттого больше шансовъ, если взять всѣ три дороги». Для этого нуженъ «одинъ центральный комитетъ, котораго занятіе будетъ состоять въ созданіи частныхъ: 1) комитета товарищества, 2) комитета для устройства школъ пропаганды фурьеристской, коммунистской и моральной, и, наконецъ, 3) комитета тайнаго общества на возстаніе. Момбелли указывалъ на необходимость откровенности, предлагалъ, чтобы каждый изъ членовъ написалъ свою біографію и притомъ «упомянулъ про смерть измѣннику», а Львовъ разсуждалъ о формахъ общества [1]), но различныя предложенія вызвали разногласія, вслѣдствіе чего всѣ дальнѣйшія совѣщанія были прекращены и остались безъ послѣдствій, а планъ, составленный Спѣшневымъ, былъ сожженъ. Много содѣйствовалъ тому, что проектъ Момбелли не былъ осуществленъ, К. М. Дебу, который заявилъ, что участвовать въ тайномъ обществѣ не желаетъ и совѣтовалъ и Петрашевскому не принимать въ немъ участія.

V.

Секретная слѣдственная комиссія по дѣлу петрашевцевъ состояла изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателемъ ея былъ комендантъ крѣпости ген.-ад. Набоковъ, членами: д. т. с. членъ госуд. совѣта кн. Гагаринъ, товарищъ военнаго министра ген.-ад. кн. Долгоруковъ и начальникъ штаба корпуса жандармовъ ген.-лейт. Дубельтъ; нѣсколько позже къ нимъ былъ присоединенъ начальникъ военно-учебныхъ заведеній ген.-ад. Ростовцевъ.

---

[1]) Онъ предлагалъ сначала принять не менѣе 9 или 11 членовъ, «а когда послѣ составятся афильяціи, то чтобъ въ каждой изъ нихъ было по два главныхъ члена". Петрашевскій также читалъ записку о необходимости образованія общества по системѣ Фурье съ тою цѣлью, чтобы, „когда придетъ время, были люди готовы".

По окончаніи допроса всѣхъ арестованныхъ, слѣдственная комиссія нашла, что нѣкоторые изъ нихъ, а именно отставной капит. лейт. Кузминъ [1], служившій въ государственномъ заемномъ банкѣ Ольдекопъ, назначенный исправ. должность олонецкаго губернскаго прокурора Александръ Барановскій и отст. подпор. Достоевскій 2 ой (Мих. Мих.) бывали на собраніяхъ у Петрашевскаго «совершенно случайно, сами въ предосудительныхъ разговорахъ не участвовали, въ бумагахъ ихъ ничего подозрительнаго не найдено и, вообще, къ обвиненію ихъ въ какомъ-либо злоумышленіи по дѣлу нѣтъ никакихъ основаній; изъ нихъ Достоевскій хотя бывалъ также у колл. ассес. Дурова на музыкально-литературныхъ вечерахъ, но когда вечера сіи начали въ послѣднее время получать направленіе политическое, то Достоевскій тотчасъ же отклонилъ это». Поэтому, съ разрѣшенія государя, комиссія освободила этихъ лицъ.

Затѣмъ, по докладу о дѣйствіяхъ комиссіи, 27 іюня 1849 г. государь повелѣлъ: тѣхъ изъ арестованныхъ, которые будутъ признаны невиновными или мало виновными, выпустить изъ-подъ ареста.

Къ разряду мало виновныхъ комиссія отнесла 12 лицъ [2] и исходатайствовала освобожденіе ихъ изъ-подъ

---

[1]) Алексѣй Алексѣевичъ, братъ Павла Алексѣевича (записки послѣдняго напечатаны въ „Рус. Стар." 1895 г.).

[2]) Вольнослушателя петер. унив. Мадерскаго, бывшаго вольносл. того же унив. Дѣева, художника Берестова, учителя рисованія Бернардскаго, кандидата унив. Михайлова, чиновниковъ Кайданова (брата того, который жилъ въ Ростовѣ), Серебрякова (изъ москов. универс.) и Чирикова, увол. отъ службы капит.-лейт. Тимковскаго, шт.-капит. Кропотова и чиновниковъ Щелкова и (Перф.) Ламанскаго. Всѣ они были арестованы 23 апрѣля. Художникъ Бернардскій (изъ крестьянъ), арестованный потому, что бывалъ у Петрашевскаго и заключенный въ крѣпость, не имѣлъ понятія ни о соціализмѣ, ни о коммунизмѣ, и потому, когда въ слѣдственной комиссіи его спросили: „Вы коммунистъ?" онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, я Бернардскій". Въ виду такой невинности его рѣшено было освободить. Л. Жемчужниковъ. „Мои воспоминанія изъ прошлаго 1830—1850 гг.". „Вѣстникъ Европы" 1900 г. № 12, стр. 502.

ареста съ ѣмъ, чтобы этотъ арестъ не имѣлъ никакого влiянiя на ихъ службу, но при томъ сѣ они были обязаны подпискою содержать въ строгой тайнѣ всѣ расспросы въ комиссiи, впредь никогда не принадлежать ни къ какому тайному обществу и не распространять какимъ бы то ни было образомъ «идей соцiальныхъ и коммунистскихъ и вообще либеральныхъ (въ томъ числѣ и ученiя Фурье» [1]). Кромѣ того, всѣ они были отданы подъ секретный надзоръ.

Затѣмъ комиссiя обратилась къ обсужденiю виновности тѣхъ арестованныхъ, которые не имѣли никакого сношенiя съ Петрашевскимъ, и были взяты по другимъ обстоятельствамъ дѣла. Къ числу ихъ были отнесены: учитель исторiи 2-го кадетскаго корпуса Петръ Бѣлецкiй и студентъ университета Григ. Данилевскiй (вѣроятно, извѣстный впослѣдствiи беллетристъ). Въ запискѣ Липранди приведенъ отрывокъ изъ найденнаго у Бѣлецкаго курса— отзывъ о республиканскомъ правленiи (см. выше), а въ запискѣ слѣдственной комиссiи Бѣлецкому поставлены въ вину его слова, что «у него есть приготовленный классъ, и что изъ этого класса выйдутъ люди, которые двинутъ Россiю впередъ».

Данилевскiй же обвинялся, на основанiи донесенiй агентовъ, въ томъ, что былъ знакомъ съ Катеневымъ, зналъ о его намѣренiи разбросать въ маскарадѣ-аллегри билеты съ надписями, что въ Москвѣ былъ бунтъ и что государь убитъ, и кромѣ того, на найденной у него книгѣ Устрялова «Ист. обозрѣнiе царствованiя государя имп. Николая I» его рукою были сдѣланы выписки изъ сочиненiя Луи-Блана «Histoire de dix ans», заключающiя въ себѣ рѣзкiе отзывы о Россiи. Комиссiя признала Бѣлецкаго мало виновнымъ, а Данилевскаго невиновнымъ, и потому испросила разрѣшенiе государя освободить

---

[1]) Комиссiя и въ другихъ случаяхъ не проводила надлежащаго различiя между соцiализмомъ, коммунизмомъ и либерализмомъ.

ихъ съ тѣмъ, чтобы этотъ арестъ «не имѣлъ никакихъ послѣдствій на ихъ будущность», но, однако, Бѣлецкаго велѣно было не опредѣлять на службу ни въ военныхъ, ни въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ; относительно же Данилевскаго, который по случаю ареста не могъ сдать экзамена, повелѣно было допустить къ экзамену въ университетъ и «подтвердить ему, чтобы онъ не увлекался чувствами и вредными мечтаніями».

Кромѣ арестованныхъ, комиссія имѣла въ виду еще 232 человѣка, упоминавшихся въ донесеніяхъ агентовъ и въ показаніяхъ обвиняемыхъ при допросахъ. Хотя къ обвиненію этихъ лицъ «не представлялось никакихъ явныхъ уликъ и положительныхъ показаній», хотя многія изъ нихъ были извѣстны только по фамиліямъ, тѣмъ не менѣе комиссія испросила разрѣшеніе призывать ихъ для допросовъ чрезъ III-е отдѣленіе Соб. Его Вел. Канцеляріи, опечатывать ихъ бумаги, и если они окажутся виновными или нужными комиссіи для дальнѣйшихъ допросовъ, то немедленно арестовывать ихъ, въ противномъ же случаѣ отпускать; тѣхъ же изъ этихъ лицъ, которыя признаны будутъ изобличенными только въ томъ, что они иногда посѣщали собранія Петрашевскаго или другія, имъ подобныя, «безъ участія въ зловредномъ ихъ направленіи»,—подъ арестомъ не оставлять, взявъ у нихъ установленную подписку, но учреждать надъ ними секретный надзоръ.

Комиссія скоро убѣдилась, что изъ этихъ лицъ 106 человѣкъ, «по явной неприкосновенности къ дѣлу, не должны быть вовсе привлекаемы къ допросамъ», а потому опредѣлила всѣхъ этихъ лицъ къ допросу не призывать. Затѣмъ 60 человѣкъ, относительно которыхъ были указанія, что они посѣщали собранія или лицъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу, были призываемы къ допросу [1]), но

---

[1]) Ср. разсказъ объ обыскѣ и допросѣ В. Р. Зотова въ его воспоминаніяхъ „Петербургъ въ 40-хъ годахъ". „Ист. Вѣст." 1890 г., № 6, стр. 548—551. Н. Флеровскій въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ: „Во время обыска у Петрашевскаго найдены были у него пись-

такъ какъ изъ ихъ отвѣтовъ и изъ показаній обвиняемыхъ оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ не принимали никакого участія «въ дѣлѣ злоумышленія», а другіе вовсе непричастны къ дѣлу, то всѣ они были тотчасъ же освобождены. Призванные къ допросу студентъ Пав. Европеусъ, чиновники Оскаръ Отто и Николай Ахшарумовъ (впослѣдствіи извѣстный романистъ), Николай Мордвиновъ и Аполлонъ Сидоровъ, Василій Толбинъ (писатель) и Аполлонъ Майковъ (извѣстный поэтъ), Ник. Кашевскій, Евг. Ламанскій и Александръ Милюковъ (педагогъ)—первые 9 человѣкъ, хотя и бывали на собраніяхъ одни у Петрашевскаго, а другіе у Дурова или Кашкина, но «въ дѣлѣ злоумышленія» участія не принимали, и потому признаны были комиссіею мало виновными и подвергнуты секретному надзору. Относительно-же Милюкова, который самъ показалъ, что читалъ у Плещеева статью сатирическаго содержанія «Петербургъ и Москва» (Герцена), а у Дурова отрывокъ изъ сочиненія Ламеннэ, коммисія хотя «и замѣтила въ немъ либеральный образъ мыслей, но, принявъ во вниманіе его раскаяніе, рѣшила отнести его къ разряду мало виновныхъ, но сообщить о немъ его начальству [1]).

Затѣмъ 52 человѣка, въ виду того, что они находятся въ другихъ губерніяхъ и въ войскахъ дѣйствующей арміи, между тѣмъ какъ ни на одного изъ нихъ не падало никакого существеннаго обвиненія, кромѣ того только, что они прежде посѣщали собранія или Петрашевскаго, или Дурова, или Момбелли, комиссія на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго военнымъ министромъ

ма изъ Казани, подписанныя Благовѣщенскимъ. Письма были самаго обыденнаго содержанія, и въ нихъ не находилось ни малѣйшаго указанія на существованіе какого-либо заговора. Все-таки, не долго думая, сдѣлано было распоряженіе обыскать всѣхъ Благовѣщенскихъ города Казани. Далѣе ареста писавшаго письма Петрашевскому впрочемъ дѣло не пошло".

[1]) Между прочимъ призывались къ допросу чиновники Александръ и Владиміръ Стасовъ и бат. адъютантъ зимняго дворца поручикъ Стасовъ. «Рус. Стар.» 1905 г. № 2, стр. 333.

отъ 16-го августа 1849 г., опредѣлила допросамъ не подвергать. Но Владиміръ Кайдановъ, жившій въ Ростовѣ и обнаружившій «наклонность къ соціальнымъ идеямъ», былъ отданъ подъ секретный надзоръ.

Наконецъ, «въ числѣ лицъ, упоминаемыхъ обвиняемыми, были и такія, которыя сосланы въ отдаленныя губерніи за прежнія политическія преступленія, именно Салтыковъ (Мих. Евграф., извѣстный сатирикъ), Ромашевъ, Бердяевъ и Яшвиль. «Хотя ни одно изъ показаній обвиняемыхъ», сказано въ запискѣ слѣдственной комиссіи, «не давало повода предполагать, чтобы эти лица принимали какое либо участіе въ злоумышленіи по настоящему дѣлу, тѣмъ болѣе, что Салтыкова видѣли у Петрашевскаго одинъ только разъ; другіе-же, какъ-то: Ромашевъ съ 1846 г. содержится въ заключеніи въ Шлиссельбургской крѣпости, Бердяевъ находится не въ здравомъ умѣ, а о прежнихъ дѣйствіяхъ Яшвиля, который въ настоящемъ дѣлѣ также ни въ чемъ не оговоренъ, неизвѣстно даже и III-му отдѣленію Соб. Его Вел. Канцеляріи, однако, за всѣмъ тѣмъ, имѣя въ виду относительно сихъ лицъ Высочайшее повелѣніе, объявленное военнымъ министромъ отъ 29-го іюня 1849 г., комиссія всѣ извѣстныя ей объ нихъ свѣдѣнія сообщила г. управляющему III-мъ отдѣленіемъ Соб. Его Вел. Канцеляріи для дальнѣйшаго распоряженія».

Дѣйствія секретной слѣдственной комиссіи начались 26-го апрѣля, а 17-го сентября она подписала свой докладъ или записку съ изложеніемъ всего дѣла, но безъ всякаго съ ея стороны заключенія, котораго отъ нея и не требовалось. Государь повелѣлъ учредить для постановленія приговора не верховный уголовный судъ, какъ въ 1825 г., а военно-судную комиссію, «судъ смѣшанный»: изъ трехъ генералъ-адъютантовъ и трехъ сенаторовъ подъ предсѣдательствомъ ген.-ад., бывш. Оренб. ген.-губ. Вас. Алексѣев. Перовскаго [1]).

[1]) Членами комиссіи были: генералъ-адъютанты гр. Строгановъ 2, Анненковъ 2 и Толстой 1, и сенаторы: кн. Лобановъ Ростовскій, Дурасовъ и Веймарнъ.

Кромѣ названныхъ выше лицъ, въ концѣ сентября былъ освобожденъ П. А. Кузминъ. Вѣроятно, въ это-же время были выпущены на свободу: купеческій сынъ Утинъ, чиновники: Есаковъ, Ващенко, Беклемишевъ и корресп. Вольн. Экон. Общ. Николай Данилевскій (впослѣдствіи извѣстный славянофилъ). Студента Толстова, еще во время дѣйствія слѣдственной комиссіи, государь, «принимая во вниманіе откровенность, съ которою» онъ «изложилъ самыя тайныя мысли свои», повелѣлъ опредѣлить въ отдѣльный кавказскій корпусъ, дабы предоставить ему случай «загладить заблужденіе молодости».

Затѣмъ суду было предано 3 человѣка. Судъ продолжался съ 30-го сентября по 16-ое ноября [1]).

Приговоръ военно-судной комиссіи поступилъ въ генералъ-аудиторіатъ, который, руководствуясь полевымъ уголовнымъ уложеніемъ, приговорилъ 21 подсудимаго къ смертной казни [2]), но въ своемъ докладѣ государю указывалъ на нѣкоторыя смягчающія обстоятельства и ходатайствовалъ объ опредѣленіи имъ, вмѣсто смертной казни, наказаній по мѣрѣ вины. Имп. Николай уважилъ это ходатайство при утвержденіи (19-го декабря 1849 г.) доклада генералъ-аудиторіата.

---

[1]) Судъ приговорилъ 15 человѣкъ къ смертной казни разстрѣляніемъ, къ каторжнымъ работамъ на заводахъ: Ястржембскаго на 6 лѣтъ, Ханыкова, Кашкина, Европеуса и Плещеева—на 4 года, Тимковскаго, по лишеніи правъ состоянія, къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а Черносвитова «въ злоумышленномъ изъясненіи подсудимымъ Петрашевскому и Спѣшневу средствъ къ произведенію возстанія въ Сибири и на заводахъ хребта Уральскаго и въ умыслѣ на цареубійство, за неоткрытіемъ доказательствъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи». Между тѣмъ, Спѣшневу и Петрашевскому были поставлены въ вину разговоры съ Черносвитовымъ о возстаніи на Уралѣ и въ Сибири.

[2]) Катеневъ сошелъ съ ума, и его велѣно было предать военному суду въ случаѣ выздоровленія, а Черносвитовъ былъ приговоренъ генералъ-аудиторіатомъ къ ссылкѣ на жительство въ Вятку подъ строгій полицейскій надзоръ, не лишая его получаемой за раны пенсіи.

Относительно Петрашевскаго государь утвердилъ наказаніе, предложенное генералъ-аудиторіатомъ,—лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока. Момбелли, Спѣшневъ и Григорьевъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, были приговорены къ работамъ въ рудникахъ: первый и третій на 15 лѣтъ, а Спѣшневъ на 10 лѣтъ (вмѣсто 12 ти, предложенныхъ генер.-аудиторіатомъ) [1]. Львова, Филиппова и Д. Д. Ахшарумова генералъ-аудиторіатъ предлагалъ сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 12 лѣтъ, но государь назначилъ Филиппова и Ахшарумова въ арестанты инженернаго вѣдомства на 4 года, а потомъ въ рядовые на Кавказъ, относительно же Львова утвердилъ приговоръ генералъ-аудиріата. Студентъ Ханыковъ (вмѣсто 10-ти лѣтъ каторжной работы въ крѣпостяхъ) былъ назначенъ рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны. Дурову, Ѳ. М. Достоевскому и К. М. Дебу, вмѣсто 8-ми лѣтъ каторжной работы въ крѣпостяхъ, опредѣлено: двумъ первымъ 4 года каторги, а потомъ рядовымъ, а К. М. Дебу назначенъ на 4 года въ арестанты инженернаго вѣдомства и затѣмъ также въ рядовые. И. М. Дебу, вмѣсто 4-хъ лѣтъ каторжной работы на заводахъ, былъ назначенъ въ арестанты инженернаго вѣдомства на 2 года, а потомъ рядовымъ. Ястржембскаго и Толля генералъ-аудиторіатъ приговорилъ къ каторжнымъ работамъ на заводахъ на 4 года, но государь повысилъ наказаніе Ястржембскому до 6-ти лѣтъ, а Толлю понизилъ до 2-хъ лѣтъ [2]. Плещеевъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, вмѣсто ссылки на поселеніе, былъ назначенъ рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны. Кашкина ген.-аудиторіатъ предложилъ, во вниманіе къ его молодости (20 лѣтъ), лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на житье въ Холмогоры подъ строгій полицейскій надзоръ, но

---

[1] О жизни Спѣшнева послѣ приговора см. мою статейку о немъ въ Энц. Слов. Брокгауза и Ефрона.

[2] О жизни Толля послѣ приговора, см. мою статейку о немъ въ Энц. Слов. Брокгауза и Ефрона.

государь назначилъ его рядовымъ въ кавказскіе линейные батальоны. Головинскій «за участіе въ либеральныхъ разговорахъ на собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова, изъ коихъ у перваго самъ онъ объяснялъ возможность освобожденія крестьянъ безъ воли правительства [1]), въ уваженіи молодыхъ его лѣтъ» (20 л.) былъ, согласно предложенію генералъ-аудиторіата, по лишеніи чиновъ и дворянскаго достоинства, опредѣленъ рядовымъ въ одинъ изъ оренбургскихъ линейныхъ батальоновъ. Пальмъ, согласно предложенію генералъ-аудиторіатъ, былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію, Тимковскаго и Европеуса, «во вниманіе, что они увлеклись зловредною системою Фурье по легкомыслію», генералъ-аудиторіатъ предложилъ выслать подъ секретный надзоръ: Тимковскаго въ Олонецъ, а Европеуса въ Вятку, но государь назначилъ Тимковскаго на 6 лѣтъ въ арестантскія роты, а Европеуса, «во вниманіе къ молодости лѣтъ», (22 года), рядовымъ, безъ лишенія дворянства, въ кавказскіе линейные батальоны. Мѣщанина Петра Шапошникова «за преступные разговоры въ своей квартирѣ противъ религіи и правительства и о возможности введенія въ Россіи республиканскаго правленія, какъ обнаружившаго явно склонность къ вольнодумству и навлекающаго на себя сильное подозрѣніе въ произнесеніи дерзкихъ выраженій», относящихся къ особѣ государя, генералъ-аудиторіатъ предложилъ лишить всѣхъ правъ состоянія и отослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на 6 лѣтъ, а потомъ опредѣлить на службу въ отдаленныя войска». Государь написалъ: «рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны». Черносвитова, оставленнаго «въ сильномъ подозрѣніи», государь, вмѣсто отправленія на житье въ Вятку, велѣлъ водворить на житье въ Кексгольмскую крѣпость съ сохраненіемъ заслуженной имъ

---

[1]) Въ опубликованномъ въ газетахъ приговорѣ: «за возмутительные въ высшей степени разговоры у Петрашевскаго и Дурова».

пенсіи (Черносвитовъ былъ старше всѣхъ подсудимыхъ: ему было 39 лѣтъ [1]).

Вотъ какъ описываетъ Д. Д. Ахшарумовъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ объявленіе приговора осужденнымъ:

«Мы были взяты 22 апрѣля въ весеннихъ платьяхъ и такъ въ нихъ и вывезены 22 декабря на Семеновскую площадь (въ извозчичьихъ каретахъ). Направившись впередъ по снѣгу, я увидѣлъ налѣво отъ себя, среди площади воздвигнутую постройку—подмостки, помнится, квадратной формы, величиною въ 3—4 сажени, со входчою лѣстницею, и все обтянуто было чернымъ трауромъ—нашъ эшафотъ. Тутъ же увидѣлъ я кучку товарищей, столпившихся вмѣстѣ и протягивающихъ другъ другу руки и привѣтствующихъ одинъ другого. Когда я взглянулъ на лица ихъ, то былъ пораженъ страшною перемѣной; тамъ стояли: Петрашевскій, Львовъ, Филипповъ, Спѣшневъ и нѣкоторые другіе. Лица ихъ были худыя, замученныя, блѣдныя, вытянутыя, у нѣкоторыхъ обросшія бородой и волосами. Особенно поразило меня лицо Спѣшнева: онъ отличался отъ всѣхъ замѣчательною красотою, силою и цвѣтущимъ здоровьемъ. Исчезли красота и цвѣтущій видъ: лицо его изъ округленнаго сдѣлалось продолговатымъ; оно было болѣзненно, желто-блѣдно, щеки похудалыя, глаза какъ бы ввалились — и подъ ними большая синева; длинные волосы и выросшая большая борода окружали лицо.

«Петрашевскій, тоже сильно измѣнившійся, стоялъ нахмурившись,—онъ былъ обросшій большой шевелюрою и густою, слившеюся съ бакенбардами, бородою: «должно быть всѣмъ было одинаково хорошо», думалъ я. Кареты все еще подъѣзжали и оттуда одинъ за другимъ выходили заключенные въ крѣпости. Вотъ Плещеевъ, Ханыковъ, Кашкинъ, Европеусъ... всѣ исхудалые, замученные, а

---

[1]) См. приговоръ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1849 г. 22 декабря, № 276 и «С.-Петерб. Вѣд.» 1849 г. № 287.

вотъ и милый мой Ипполитъ Дебу,—увидѣвъ меня, бросился ко мнѣ въ объятія: «Ахшарумовъ! и ты здѣсь».—Мы же всегда вмѣстѣ!—отвѣтилъ я. Мы обнялись съ особеннымъ чувствомъ кратковременнаго свиданія передъ неизвѣстной разлукой. Вдругъ всѣ наши привѣтствія и разговоры прерваны были громкимъ голосомъ подъѣхавшаго къ намъ на лошади генерала, какъ видно, распоряжавшагося всѣмъ, увѣковѣчившаго себя въ памяти всѣхъ насъ... слѣдующими словами:

«Теперь нечего прощаться! Становите ихъ»,—закричалъ онъ.—Вслѣдъ за его громкимъ крикомъ явился передъ нами какой-то чиновникъ—со спискомъ въ рукахъ и, читая, сталъ вызывать насъ, каждаго по фамиліи.

«Первымъ поставленъ былъ Петрашевскій, за нимъ Спѣшневъ, потомъ Момбелли и затѣмъ шли всѣ остальные—всѣхъ насъ было 23 человѣка (я поставленъ былъ по ряду восьмымъ). Послѣ того подошелъ священникъ съ крестомъ въ рукѣ и, ставъ передъ нами, сказалъ: «Сегодня Вы услышите справедливое рѣшеніе Вашего дѣла,—послѣдуйте за мною»! Насъ повели на эшафотъ, но не прямо на него, а обходомъ вдоль рядовъ войскъ, сомкнутыхъ въ каре. Такой обходъ, какъ я узналъ послѣ, назначенъ былъ для назиданія войска, и именно Московскаго полка [1]), такъ какъ между нами были офицеры, служившіе въ этомъ полку: Момбелли и Львовъ. Священникъ, съ крестомъ въ рукѣ, выступалъ впереди, за нимъ мы всѣ шли одинъ за другимъ по глубокому снѣгу. Въ каре стояли, казалось мнѣ, нѣсколько полковъ, потому обходъ нашъ по всѣмъ 4 рядамъ его былъ довольно продолжительный. Передо мною шагалъ высокій ростомъ Павелъ Николаевичъ Филипповъ, впослѣдствіи умершій отъ раны, полученной имъ при штурмѣ Карса въ 1854 году; сзади

---

[1]) Кромѣ батальона этого полка, по словамъ Корфа, на плацу находились батальонъ л.-гв. егерскаго и эскадронъ л.-гв. гренадерскаго полковъ «т. е. тѣхъ, къ которымъ принадлежали заговорщики военнаго званія". «Рус. Стар.» 1900 г. № 5, стр. 279-280.

меня шелъ Константинъ Дебу. Послѣдними въ этой п цессіи были: Кашкинъ, Европеусъ и Пальмъ... Вскорѣ в маніе наше обратилось на сѣрые столбы, врытые съ од стороны эшафота; ихъ было, сколько мнѣ помнится, м го. Мы шли переговариваясь: «Что съ нами будутъ лать?—Для чего ведутъ насъ по снѣгу?—Для чего сто у эшафота?—Привязывать будутъ,—военный судъ,—ка разстрѣляніемъ. Не извѣстно, что будетъ,—вѣроят всѣхъ въ каторгу»...

«Такого рода мнѣнія высказывались громко, то с реди, то сзади отъ меня, и мы медленно пробирались снѣжному пути и подошли къ эшафоту. Войдя на н мы столпились всѣ вмѣстѣ и опять обмѣнялись нѣско кими словами. Съ нами вмѣстѣ взошли и насъ сопров давшіе солдаты и размѣстились за нами. Затѣмъ распо жались офицеръ и чиновникъ со спискомъ въ рука Начались вновь выкликиваніе и разстановка, при че порядокъ былъ нѣсколько измѣненъ. Насъ постав двумя рядами перпендикулярно къ городскому валу. Од рядъ меньшій, начинавшійся Петрашевскимъ, былъ пост ленъ съ лѣваго фаса эшафота, тамъ были: Петрашевс Спѣшневъ, Момбелли, Львовъ, Дуровъ, Григорьевъ, Тол Ястржембскій, Достоевскій.

«Другой рядъ начинался кѣмъ не помню, но вторы стоялъ Филиппцовъ, потомъ я, подлѣ меня Дебу старш за нимъ его братъ Ипполитъ, затѣмъ Плещеевъ, Тимк скій, Ханыковъ, Головинскій, Кашкинъ, Европеусъ Пальмъ. Всѣхъ насъ было 23 человѣка, но я не м вспомнить остальныхъ. Когда мы были уже разставле въ означенномъ порядкѣ, войскамъ скомандовано бы «на кара—улъ», и этотъ ружейный пріемъ, исполненн одновременно нѣсколькими полками, раздался по в площади свойственнымъ ему ударнымъ звукомъ. Затѣ скомандовано было намъ: «шапки долой!»—но мы этому не были подготовлены и почти никто не исполн команды, тогда повторено было нѣсколько разъ: «сн

шапки, будутъ конфирмацію читать» и съ запоздавшихъ приказано было стащить шапку сзади стоявшему солдату. Намъ всѣмъ было холодно и шапки на насъ были хотя и весеннія, но все же закрывали голову. Послѣ того чиновникъ въ мундирѣ сталъ читать изложеніе вины каждаго въ отдѣльности, становясь противъ каждаго изъ насъ. Всего невозможно было уловить, что читалось,—читалось скоро и невнятно, да и притомъ же мы всѣ содрогались отъ холода. Когда дошла очередь до меня, то слова, произнесенныя мною въ память Фурье «о разрушеніи всѣхъ столицъ и городовъ», занимали видное мѣсто въ винѣ моей.

«Чтеніе это продолжалось добрыхъ полчаса, мы всѣ страшно зябли. Я надѣлъ шапку и завертывался въ холодную шинель, но вскорѣ это было замѣчено, и шапка съ меня была сдернута рукою стоявшаго за мною солдата. По изложеніи вины каждаго конфирмація оканчивалась словами: полевой уголовный судъ приговорилъ всѣхъ къ смертной казни—растрѣляніемъ и 19 го сего декабря государь императоръ собственноручно написалъ:—«Быть по сему».

«Мы всѣ стояли въ изумленіи; чиновникъ сошелъ съ эшафота. Затѣмъ намъ поданы были бѣлые балахоны и колпаки—саваны, и солдаты, стоявшіе сзади насъ, одѣвали насъ въ предсмертное одѣяніе...

«Взошелъ на эшафотъ священникъ,—тотъ же самый, который насъ велъ,—съ евангеліемъ и крестомъ и за нимъ принесенъ и поставленъ былъ аналой. Помѣстившись между нами на противоположномъ входу концѣ, онъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами: «Братья! Передъ смертью надо покаяться... Кающемуся Спаситель прощаетъ грѣхи... Я призываю Васъ къ исповѣди»...

«Никто изъ насъ не отозвался на призывъ священника,—мы стояли молча, священникъ смотрѣлъ на всѣхъ насъ и повторно призывалъ насъ къ исповѣди. Тогда одинъ изъ насъ—Тимковскій—подошелъ къ нему и, пошептавшись съ нимъ, поцѣловалъ Евангеліе и возвратился

на свое мѣсто. Священникъ, посмотрѣвъ еще на насъ и видя, что болѣе никто не обнаруживаетъ желанія исповѣдаться, подошелъ къ Петрашевскому съ крестомъ и обратился къ нему съ увѣщаніемъ, на что Петрашевскій отвѣтилъ ему нѣсколькими словами. Священникъ ничего не отвѣтилъ, но поднесъ къ устамъ его крестъ. и Петрашевскій поцѣловалъ его. Послѣ того онъ, молча, обошелъ съ крестомъ всѣхъ насъ и всѣ приложились къ нему. Затѣмъ священникъ, окончивъ дѣло это, стоялъ среди насъ какъ бы въ раздумьи. Тогда раздался голосъ генерала, сидѣвшаго на конѣ возлѣ эшафота: «Батюшка! Вы исполнили все, вамъ больше здѣсь нечего дѣлать!»...

«Священникъ ушелъ и сейчасъ же взошли нѣсколько человѣкъ солдатъ къ Петрашевскому, Спѣшневу и Момбелли, взяли ихъ за руки и свели съ эшафота; они подвели ихъ къ сѣрымъ столбамъ и стали привязывать каждаго къ отдѣльному столбу веревками. Разговоровъ при этомъ не было слышно. Осужденные не оказывали сопротивленія. Имъ затянули руки позади столбовъ и затѣмъ обвязали веревки поясомъ. Потомъ отдано было приказаніе: «колпаки надвинуть на глаза», послѣ чего колпаки опущены была на лица привязанныхъ товарищей нашихъ. Раздалась команда: «клацъ», и вслѣдъ затѣмъ группа солдатъ—ихъ было человѣкъ 16, стоявшихъ у самаго эшафота, по командѣ направила ружья къ прицѣлу на Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбелли.—Моментъ этотъ былъ по истинѣ ужасенъ. Видѣть приготовленіе къ разстрѣлянію, и при томъ людей близкихъ по товарищескимъ отношеніямъ, видѣть уже наставленные на нихъ, почти въ упоръ, ружейные стволы и ожидать—вотъ прольется кровь, и они упадутъ мертвые, было ужасно, отвратительно, страшно. Сердце замерло въ ожиданіи, и страшный моментъ этотъ продолжался съ полминуты. При этомъ не было мысли о томъ, что и мнѣ предстоитъ то же самое, но все вниманіе было поглощено наступающею кровавою картиною. Возмущенное состояніе мое возрасло еще болѣе,

когда я услышалъ барабанный бой, значеніе котораго я тогда еще, какъ неслужившій въ военной службѣ, не понималъ: «Вотъ конецъ всему»!.. Но вслѣдъ затѣмъ увидѣлъ я, что ружья, прицѣленныя, вдругъ всѣ были подняты стволами вверхъ. Отъ сердца отлегло сразу, какъ бы свалился тѣсно сдавившій его камень! Затѣмъ стали отвязывать привязанныхъ—Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбелли и привели снова на прежнія мѣста ихъ на эшафотѣ. Пріѣхалъ какой-то экипажъ, оттуда вышелъ офицеръ—флигель-адъютантъ—и принесъ какую то бумагу, поданную немедленно къ прочтенію. Въ ней возвѣщалось намъ дарованіе государемъ императоромъ жизни и взамѣнъ смертной казни, каждому, по виновности, особое наказаніе...

«По окончаніи чтенія этой бумаги съ насъ сняли саваны и колпаки. Затѣмъ взошли на эшафотъ какіе-то люди, вродѣ палачей, одѣтые въ старые цвѣтные кафтаны, —ихъ было двое,—и, ставъ позади ряда, начинавшагося Петрашевскимъ, ломали шпаги надъ головами поставленныхъ на колѣни ссылаемыхъ въ Сибирь, каковое дѣйствіе, совершенно безразличное для всѣхъ, только продержало насъ, и такъ уже продрогшихъ, лишнія $^1/_4$ часа на морозѣ. Послѣ этого намъ дали каждому арестантскую шапку, овчинные, грязной шерсти, тулупы и такіе же сапоги. Тулупы, каковы бы они ни были, нами были поспѣшно надѣты, какъ спасеніе отъ холода, а сапоги велѣно было самимъ держать въ рукахъ.

«Послѣ всего этого на середину эшафота принесли кандалы и, бросивъ эту тяжелую массу желѣза на дощатый полъ эшафота, взяли Петрашевскаго и, выведя его на середину, двое, повидимому кузнецы, надѣли на ноги его желѣзныя кольца и стали молоткомъ заклепывать гвозди. Петрашевскій сначала стоялъ спокойно, а потомъ выхватилъ тяжелый молотокъ у одного изъ нихъ и, сѣвъ на полъ, сталъ заколачивать самъ на себѣ кандалы. Что побудило его накладывать самому на себя руки, что хо-

тѣлъ онъ выразить тѣмъ—трудно сказать, но мы были всѣ въ болѣзненномъ настроеніи или экзальтаціи.

«Между тѣмъ, подъѣхала къ эшафоту кибитка, запряженная курьерской тройкой, съ фельдъегеремъ и жандармомъ, и Петрашевскому было предложено сѣсть въ нее, но онъ, посмотрѣвъ на поданный экипажъ, сказалъ: «я еще не окончилъ всѣ дѣла»!..

Петрашевскій въ первый разъ ступилъ въ кандалахъ; съ непривычки ноги его едва передвигались. Онъ подошелъ къ Спѣшневу, сказалъ ему нѣсколько словъ и обнялъ его, потомъ подошелъ къ Момбелли и также простился съ нимъ, поцѣловавъ и сказавъ что-то. Онъ подходилъ по порядку, какъ мы стояли, къ каждому изъ насъ и каждаго поцѣловалъ, молча или сказавъ что-нибудь на прощанье. Подойдя ко мнѣ, онъ, обнимая меня, сказалъ: «прощайте, Ахшарумовъ, болѣе уже мы не увидимся»! На что я отвѣтилъ ему со слезами: «а можетъ быть и увидимся еще!» [1]).

«Простившись со всѣми, онъ поклонился еще разъ всѣмъ намъ и, сойдя съ эшафота, съ трудомъ передвигая непривычныя еще къ кандаламъ ноги, съ помощью жандарма и солдата, сошелъ съ лѣстницы и сѣлъ въ кибитку; съ нимъ рядомъ помѣстился фельдъегерь и вмѣстѣ съ ямщикомъ жандармъ съ саблею и пистолетомъ у пояса; тройка сильныхъ лошадей повернула шагомъ и затѣмъ, выбравшись медленно изъ кружка столпившихся людей и за ними стоявшихъ экипажей и повернувъ на московскую дорогу, исчезла изъ нашихъ глазъ.

---

[1]) По свидѣтельству одного очевидца, «особенно замѣчательны показались всѣмъ изъявленія дружбы и уваженія осужденныхъ къ Петрашевскому,—первому виновнику общей ихъ бѣды». Замѣтка Вунча въ „Порядкѣ“ 1881 г., 48. Ср. объ объявленіи приговора «Біогр. Достоевскаго» въ I т. собр. его сочиненій, сост. *О. Миллеромъ*, стр. 117—123.

«Слова его сбылись,—мы не увидѣлись болѣе... [1].

«Впечатлѣніе, произведенное на насъ всѣмъ пережитымъ нами въ эти часы совершенія обряда смертной казни, и затѣмъ объявленія замѣняющихъ ее различныхъ ссылокъ, было столь же разнообразно, какъ и характеры наши. Старшій Дебу стоялъ въ глубокомъ уныніи и ни съ кѣмъ не говорилъ; Ипполитъ Дебу, когда я подошелъ къ нему, сказалъ: «лучше бы уже разстрѣляли!..»

«Стали подъѣзжать кареты и мы, ошеломленные всѣмъ происшедшимъ, не прощаясь одинъ съ другимъ, садились и уѣзжали по одному» [2]).

По свидѣтельству Достоевскаго въ «Дневникѣ писателя», почти всѣ приговоренные были увѣрены, что приговоръ «будетъ исполненъ, и вынесли, по крайней мѣрѣ, десять ужасныхъ, безмѣрно страшныхъ минутъ ожиданія смерти».

Генералъ-аудиторіатъ въ своемъ докладѣ не только предложилъ наказанія обвиненнымъ, но, кромѣ того, счелъ нужнымъ обратить вниманіе правительства на необходимость принять мѣры для предупрежденія возможности возникновенія и впредь «подобныхъ замысловъ». Такими мѣрами онъ, съ своей стороны, считалъ: «1) особенное наблюденіе за общественнымъ обученіемъ, какъ относительно духа и направленія преподаванія вообще, такъ и относительно строгаго выбора учителей и повѣрки ихъ преподаванія. 2) Бдительныя и строгія мѣры противъ ввоза иностранныхъ сочиненій опаснаго содержанія, способствующаго превратному образу мыслей въ умахъ юныхъ и неопытныхъ. 3) Самый осмотрительный цензурный надзоръ за журналами и газетными статьями. 4) Возможно стро-

---

[1]) О жизни М. В. Буташевича-Петрашевскаго въ Сибири (онъ умеръ въ селѣ Бѣльскомъ, енисейскаго округа, 7 декабря 1866 г., 45 лѣтъ отъ роду), см. статьи: мою въ «Большой энциклопедіи» подъ редакціей С. Н. Южакова (т. IV, 134—135) и *Арефьева* въ „Рус. Стар." 1902 г. № 1.

[2]) Д. Д. *Ахшарумовъ*. „Изъ моимъ воспоминаній. (1849—1851 г.)". Изд. „Общественной Пользы". Спб. 1905 г. стр. 104—112.

гое наблюденіе со стороны всѣхъ полицейскихъ начальствъ за движеніемъ общественнаго состава, не только въ его цѣломъ, но и въ частностяхъ, именно за сборищами и собраніями, дабы, при настоящемъ развратѣ умовъ на Западѣ и прилипчивости вредныхъ идей, не могли образовываться у насъ собранія, подобныя открытымъ по настоящему дѣлу».

Предложенія эти были одобрены имп. Николаемъ.

Въ томъ же году государь повелѣлъ скупить частнымъ образомъ имѣющіеся въ продажѣ экземпляры «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ» Кириллова, а въ 1853 г., по докладу попечителя, утвержденному министромъ народнаго просвѣщенія, были уничтожены 1599 экз. (давно отобранныхъ) II выпуска этого словаря [1]).

[1]) См. „Рус. Стар". 1903 г. № 8, стр. 420—422. Послѣ произведеннаго въ 1849 г. осмотра книжныхъ магазиновъ книгопродавецъ Лури былъ арестованъ и подлежалъ полицейскому преслѣдованію за продажу запрещенныхъ книгъ. „Рус. Стар". 1905 г. № 2, стр. 332. Объ опечатаніи почти на 6 мѣсяцевъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ въ Ригѣ, Ревелѣ, Дерптѣ, Перновѣ и Митавѣ см. въ книгѣ *Н. И. Веселовскаго* „В. В. Григорьевъ", 1887 г. стр. 105—106 и „Von Nicolaus I zu Alexsander III. St.-Petersburger Beiträge zur neuesten russischen Geschichte, 2 Auflage Leipz. 1881., S. 98—100. Предписаніе 24 окт. 1849 г. ректорамъ и деканамъ юридическаго и философскаго факультетовъ не допускать въ преподаваніи распространенія соціалистическихъ и коммунистическихъ ученій см. въ „Рус. Стар". 1872. т. VI, № 10, ст. 449—450.

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь" въ Ростовѣ на Дону.

В. Г. Короленко—Пріемышъ . 2 к.
В. І. Дмитріева—Майна-вира . 3 к.
Е. Н. Чириковъ—Маленькій грѣшникъ . . . . 1 к.
Л. Н. Андреевъ—Баргамотъ и Гараська (съ картинк.) . . . 1½ к.
Кретцеръ—Исторія черн. сюртука . . . . 1 к.
Крандіевская—Для души . . . 2 к.
Е. Н. Чириковъ—Свинья . . . 2 к.
В. И. Немировичъ-Данченко—Старый замокъ . . . . . 3 к.
А. И. Свирскій—Забракованный 2 к.
Костинъ—Ошибка . . . . . . 3 к.
В. І. Дмитріева—Ее всѣ знаютъ 3 к.
К. М. Станюковичъ—За „Щупленькаго" . . . . 2 к.
Н. И. Митропольскій—Вода . . 2 к.
А. Серафимовичъ—Месть . . 3 к.
Л. Мельшинъ—Искорка . . . . 3 к.
Л. Мельшинъ—Чортовъ Яръ . 4 к.
Л. Н. Андреевъ—Гостинецъ . . 2 к.
Л. Н. Андреевъ—Петька на дачѣ 2 к.
В. І. Дмитріева—Мама на войнѣ 3 к.
Л. Андреевъ—Въ Сабуровѣ . . 2 к.
И. П. Бѣлоконскій—Страховка 2 к.
П. А. Ивашева—Мой день . . . 2 к.
В. Г. Короленко—Ночью (съ рис. Е. Бемъ) . . . . 5 к.
Н. И. Тимковскій—Среди людей 5 к.
С. Ф. Русова—Біографія Гарибальди (съ портр.) . . . . . . 4 к.
С. Т. Семеновъ—Отчего Парашка не выучилась грамотѣ . . 3 к.
Н. Н. Златовратскій—Мечтатели 4 к.
А. Купринъ—Ночная смѣна . . 3 к.
Э. Ожешко—Гедали . . . . 3 к.
С. Юшкевичъ—Хаимка и Іоська 2 к.
В. Вересаевъ—Въ пути . . . . 1 к.
И. Франко—Самъ виноватъ . . 1½ к.
Н. Алексѣевъ—Изъ-за хлѣба насущнаго. „Лишній" . . . . 1½ к.
Серафимовичъ—Стрѣлочникъ . 3 к.
В. Вересаевъ—Въ сухомъ туманѣ 2 к.
Н. И. Митропольскій—Отсрочка 1 к.
А. Яблоновскій—Удружилъ . . 1 к.
И. Франко—Хорошій заработокъ . . . . 1 к.
Мать (перев. съ арм.) . . . . 1½ к.
Остон—Поденщикъ . . . . . 2 к.
Некрасовъ и Никитинъ—Избранныя стихотворенія . . . . 4 к.
И. А. Бунинъ—Байбаки . . . 3 к.
А. И. Петровскій—Не дался . . 1 к.
В. І. Дмитріева—Бѣлыя крылья 2 к.
А. Серафимовичъ—Въ бурю . 3 к.
А. Яблоновскій—Конокрадъ . 3 к.
И. Франко—На днѣ . . . . 9 к.
Какъ сицилійск. крестьяне улучшили свое положеніе . . . . 6 к.

49 **В. И. Немировичъ-Данченко**—Воскресшая пѣснь . . . . . 5 к.
50 **В. Вересаевъ**—Повѣтріе . . . 4 к.
51 **И. П. Бѣлоконскій** — Деревня Печальная . . . . 3 к.
52 **В. І. Дмитріева**—Волки . . . 3 к.
53[2] **Серафимовичъ**—Степные люди 3 к.
54 **Н. Митропольскій** На плотахъ 3 к.
55 **Короленко**—Черкесъ (съ 2 рис.) 4 к.
56 **В. Вересаевъ**—Звѣзда (восточн. сказка) . . . . 1½ к.
57 **Н. Д. Телешовъ**—Противъ обычая 2 к.
58 **Яблоновскій**—Въ консультаціи 3 к.
59 Пѣсни труда . . . . 5 к.
60 **Темный**—Сироткинъ (изъ жизни рабочихъ) . . . . 3 к.
61 Только часъ. **А. Крандіевской** и др. разсказы . . . 10 к.
62 **И. Бунинъ**—Надъ городомъ . . 1 к.
63 **Елпатьевскій**—Отлетаетъ мой соколикъ (изъ сибирск. жизни) 2 к.
64 **К. Станюковичъ**—Эмигрантъ . 3 к.
65 Избранныя стихотворенія **С. Я. Надсона** и др. поэтовъ . . . . 3 к.
66 **Л. Андреевъ**—Ангелочекъ . . 3 к.
67 **Л. Андреевъ**—Жили-были . . . 3 к.
68 **Скиталецъ**—Атаманъ . . . . 2 к.
69 **Серафимовичъ**—Въ камышахъ 3 к.
70 **Н. Рубакинъ**—Дѣдушка Время 7 к.
71 **А. Яблоновскій**—Завѣтная мечта . . . . 3 к.
72 **С. Елпатьевскій**—Присяжнымъ засѣдателемъ . . . . 2 к.
73 **Вересаевъ**—Къ спѣху . . . . 1 к.
74 **А. Серафимовичъ**—На льдинѣ 3 к.
75 **Л. Мельшинъ**—Маленькіе люди 4 к.
76 **Е. И. Булгакова**—Что за страна Японія . . . . 5 к.
77[2] **Яковлева**—Свидѣтель . . . . 8 к.
78 **Н. Д. Телешовъ**—Хлѣбъ-соль 1½ к.
79[2] **С. Русова**—На счастливыхъ островахъ . . . . 6 к.
80 **В. Г. Короленко**—Соколинецъ 7 к.
81 **Е. Н. Чириковъ**—Коля и Колька 2 к.
82 **С. Елеонскій**—Огорченіе . . . 3 к.
83 **С. Русова**—Братья Гракхи . . 3 к.
84 **Н. Телешовъ**—Нужда . . . 1½ к.
85 Избр. стихотв. **Алексѣя Толстого** и др. поэтовъ . . . . 3 к.
86[2] Молодая жизнь . . . . 7 к.
87 **Э. Золя**—Кровь . . . . 3 к.
88 **Танъ**—Елка въ Америкѣ . . . 3 к.
89 **Г. И. Успенскій**—Будка . . . 3 к.
90 **В. Г. Короленко**—Мгновеніе и Огоньки . . . . 3 к.
91 **Пѣсни мира**. Сборн. стих. . . 2 к.
92 **В. Н.-Данченко**.—Соловьиная ночь . . . . 1 к.
93 **И. П. Бѣлоконскій**—Страшное мѣсто . . . . 1½ к.